ГРОЗДЬЯ ГНЕВА

РЕЙТИНГ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ. ВЕСНА – ОСЕНЬ 2014 ГОДА

Исследование уровня межэтнической напряженности в регионах России проводилось сотрудниками ЦИНКа и «Клуба Регионов» в период с апреля по сентябрь 2014 г.

Предлагаем сначала изучить карту конфликтов (активна «зона рисков» - красная, оранжевая и желтая), а затем перейти к краткому анализу ситуации в сфере межэтнических отношений и основным выводам. Данные выводы сопровождаются подробными выкладками по каждому из регионов, входящих в «зону риска».

Также вы можете ознакомиться с методологией нашего исследования (см. Приложение №1), списком экспертов (см. Приложение №2) и авторским коллективом.

Контакты: rating@roscink.ru

Распределение регионов России по степени межэтнической напряженности

Регулярные массовые насильственные действия*; регулярные убийства на национальной почве; системный характер межэтнических противоречий; политическая активность с эксплуатацией этнической тематики

** Здесь и далее речь идет об этнически мотивированных действиях*

Москва, Республика Дагестан, ХМАО

Организованные массовые ненасильственные конфликтные действия; неоднократные одиночные, групповые либо массовые насильственные действия; устойчивое этническое маркирование социальных процессов

Краснодарский край, Республика Крым, Республика Татарстан, Санкт-Петербург, Саратовская область, Ставропольский край, Челябинская область

Неоднократные одиночные либо групповые насильственные действия; неоднократные групповые либо массовые ненасильственные конфликтные действия; систематические конфликтные действия в интернете

Астраханская область, Волгоградская область, Костромская область, Московская область, Новосибирская область, Приморский край, Республика Башкортостан, Республика Калмыкия, Ростовская область, Самарская область, Свердловская область

Преимущественно ненасильственные конфликтные действия; единичные насильственные действия, в основном бытового характера; неоднократные конфликтные действия в интернете
Алтайский край, Архангельская область, Вологодская область, Воронежская область, Иркутская область, Кабардино-Балкария, Калининградская область, Калужская область, Камчатский край, Красноярский край, Курганская область, Ленинградская область, Мурманская область, Новгородская область, Оренбургская область, Орловская область, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия), Республика Чувашия, Рязанская область, Северная Осетия – Алания, Тверская область, Томская область, Тульская область, Тюменская область, Ульяновская область, Хабаровский край, Ямало-Ненецкий АО

Отсутствуют доказанные насильственные действия; отсутствуют либо редки ненасильственные действия; отсутствуют либо редки конфликтные действия в интернете
Амурская область, Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Еврейская АО, Забайкальский край, Ивановская область, Карачаево-Черкесия, Кемеровская область, Кировская область, Курская область, Липецкая область, Магаданская область, Ненецкий АО, Нижегородская область, Омская область, Пензенская область, Пермский край, Республика Ингушетия, Республика Марий Эл, Республика Тыва, Республика Хакасия, Сахалинская область, Севастополь, Смоленская область, Тамбовская область, Удмуртская Республика, Чеченская Республика, Чукотский АО, Ярославская область

Краткий анализ этноконфессиональной ситуации в России

Известный тезис, что всякое здоровое общество в условиях угрозы сплачивается, в этом году полностью подтвердился, хотя российское общество трудно назвать вполне здоровым. На фоне украинского кризиса и санкционного давления Запада национальный вопрос в России если не утратил актуальность, то, очевидно, перестал восприниматься как первостепенная проблема.

В течение исследуемого периода – с апреля по сентябрь 2014 г. включительно – произошло значительное снижение общего уровня межэтнической напряженности. По сравнению с предыдущим полугодием количество проявлений межнациональной вражды сократилось на 35 процентов. Эта тенденция касается всех выделенных нами категорий конфликтных действий, кроме интернет-экстремизма. Если она продолжится, то 2014-й в целом окажется гораздо спокойнее года минувшего с его резонансными событиями в Пугачеве Саратовской области и в Западном Бирюлеве.
Однако параллельно с разрядкой сохраняется тренд на усиление долгосрочных факторов межэтнической напряженности: плохо контролируемой колоссальной миграции, геттои-

зации Москвы и Петербурга, экспансии радикального ислама, в том числе в немусульманские регионы России, архаизации Северного Кавказа. На региональном уровне также заметно желание как можно дольше избегать обсуждения болезненной темы, подавая всякий этнически мотивированный конфликт как бытовой.

Между тем вышеперечисленные факторы создают мощный конфликтный потенциал, который периодически проявляется даже в период относительного затишья. Только в сентябре зафиксировано два резонансных преступления, которые продемонстрировали, что этноконфессиональная ситуация в стране, несмотря на все нюансы, принципиально не изменилась по сравнению с 2013 г. Как сообщали СМИ и пользователи соцсетей, на Ставрополье несколько десятков южан ворвались в больницу и жестоко избили местного жителя, у которого ранее случился конфликт с одним из представителей диаспоры. Медики не смогли спасти пострадавшего. А в Москве на Большой Татарской прихожане Исторической мечети сначала устроили стихийный митинг возле полицейского автобуса, в котором находился их единоверец, задержанный за наезд на сотрудника ОМОН, а затем буквально взяли автозак штурмом. Последний раз подобный инцидент случился летом 2013 г. на Матвеевском рынке столицы, где супруги Расуловы напали на полицейского, пытаясь отбить задержанного родственника.

Оба вопиющих сентябрьских происшествия демонстрируют крайне тревожную тенденцию: в ситуациях бытового конфликта (драка в кафе на Ставрополье) или конфликта с законом (задержание правонарушителя в Москве) представители диаспор консолидированно выступают на стороне соплеменников (единоверцев), используя этническую либо конфессиональную мобилизацию.

С другой стороны, высокую сплоченность традиционно демонстрируют футбольные фанаты: после убийства мигрантами-узбеками болельщика «Спартака» в мае этого года состоялся народный сход, едва не переросший с масштабные беспорядки. Однако фанаты реагируют ситуативно, защищая как правило только членов своего сообщества. Что касается идеологов и лидеров русских националистов, то они в последние полгода сосредоточены на поддержке Новороссии. В то же время часть правых выступают на стороне «майдана», и этот раскол ослабляет русское движение. На данном этапе антимигрантская и антикавказская повестка националистов отложена, но в любой момент может быть актуализирована. В целом этноконфессиональную ситуацию в стране можно охарактеризовать как шаткое равновесие: снижение напряженности обусловлено «внешней угрозой» и носит временный характер; негативные факторы, напротив, имеют тенденцию к укоренению. Для поддержания межнационального согласия необходимо принятие стратегии превентивного реагирования как на федеральном уровне, так и в регионах.

Основные факторы межэтнической напряженности

В рамках исследования эксперты выделили (наряду с отмеченными ранее) следующие актуальные факторы межэтнической напряженности:

- украинский кризис, затмивший все остальные процессы;
- масштабная плохо контролируемая миграция;
- экспансия радикального ислама;
- деструктивная активность других государств;
- ухудшение социально-экономической ситуации, вызванное санкционным давлением Запада на фоне падения цены нефти; рост конкуренции на рынке труда;
- клановость в кадровой политике региональных властей;
- попытки этнической мобилизации в рамках внутриэлитной борьбы в регионах;
- этническое маркирование конфликтов, этническими не являющихся;
- дефицит учителей русского языка в национальных республиках;

Большинство перечисленных факторов являются общими, некоторые имеют региональную специфику.

Украинский кризис и другие внешние угрозы

Необходимо пояснить, что под украинским кризисом мы понимаем цепочку событий, начавшихся с государственного переворота в Киеве в феврале этого года и включающих воссоединение Крыма с Россией, гражданскую войну на востоке Украины, широкую поддержку Донбасса (Новороссии) в российском обществе, санкционное давление Запада, а также острую дискуссию по этим вопросам в медийном русскоязычном пространстве.

Если рассматривать украинский кризис с точки зрения его влияния на межэтническую ситуацию в России, то нужно отметить его двоякий характер. С одной стороны, обусловленное событиями на Украине охлаждение отношений Москвы с Брюсселем и Вашингтоном, как сказано выше, сплотило российское общество. Снижению градуса межнациональной напряженности способствовала в какой-то мере и умозрительная экстраполяция безобразных проявлений украинского национализма на русскую почву.

В то же время действия Киева начиная с 22 февраля отличаются очевидным антироссийским и русофобским характером. Начав с отмены регионального статуса русского языка в восточных областях, новые украинские власти в считанные месяцы дошли до крайней степени национальной вражды, которую Следственный комитет РФ классифицирует как геноцид русскоязычного населения Донбасса. Трагические события в соседней стране естественным образом негативно отражаются на межэтнической ситуации в России, где уже отмечены случаи насильственных действий на почве русско-украинских противоречий. Ожесточенная общественная дискуссия вокруг Новороссии, протекающая в основном в социальных сетях, также вносит рознь.
Отдельной проблемой является поток беженцев из зоны боевых действий, размещаемых в российских регионах. Несмотря на то что часть вынужденных переселенцев на фоне так называемого перемирия возвращается домой, остающиеся создают достаточно серьезную социальную нагрузку на субъекты РФ. Наряду с сочувственным отношением со стороны

коренного населения отмечается и недовольство, в частности в Туве и Адыгее, в связи с якобы неумеренным вниманием властей к беженцам в ущерб интересам местных жителей. Помимо украинского кризиса, актуален ряд других внешних угроз, способных повлиять на этноконфессиональную обстановку в России. Обострение конфликта в Нагорном Карабахе может отразиться на взаимоотношениях (и без того сложных) российских армян и азербайджанцев. Однако на данном этапе эксперты считают такое развитие событий маловероятным. Обе диаспоры хорошо укоренены в России, имеют многочисленные (порой связанные) бизнес-интересы, поэтому не заинтересованы в конфликте друг с другом, понимая, что в случае резонансных инцидентов и жесткой реакции силовых структур экономические потери будут велики.

Нельзя также не отметить опасность, исходящую от радикальных исламистских группировок, яркой иллюстрацией которой стали заявления действующего в Ираке и Сирии «Исламского государства». Представители этой самой сильной на данной момент террористической организации мира недавно угрожали распространить войну на российский Кавказ. Несмотря на откровенно пропагандистский характер этого заявления (как и ответного заявления Рамзана Кадырова), оно отражает объективную тенденцию расширения сферы влияния радикальных исламистов. Уже фиксируются случаи задержания на Северном Кавказе экстремистов, воевавших в составе ИГИЛ или других группировок на Ближнем Востоке. По некоторым данным, в рядах «Исламского государства» находятся сотни выходцев из российских республик. В случае массового возвращения таких боевиков ситуация на Северном Кавказе может быть значительно дестабилизирована.

Миграция

Миграция названа экспертами в качестве основной причины межэтнической напряженности; все более острой проблемой для большинства регионов становится плохая интеграция приезжих в социум.
Трудовая иммиграция наблюдается почти во всех регионах: от Дальнего Востока до Северного Кавказа. Пока она не характерна для отдельных труднодоступных дальневосточных регионов (Чукотский автономный округ), а также Крыма и Севастополя.
Большинство межэтнических конфликтов по-прежнему связаны с выходцами с Северного Кавказа и Закавказья, однако в случае ухудшения экономической ситуации в конфликты будут шире вовлечены и среднеазиатские мигранты, которых местное население склонно обвинять в «сбивании» зарплат в ряде специальностей.

Внутрироссийская миграция из республик Северного Кавказа имеет традиционные направления (в Москву, Петербург, ХМАО, ЯНАО, на Ставрополье, Кубань, в Ростовскую и Волгоградскую области и т.д.), ее география не так обширна, как у среднеазиатской. При этом две основные группы мигрантов, как правило, не конкурируют между собой: кавказцев интересует рыночная торговля и бизнес, гастарбайтеров из Средней Азии – в первую очередь строительство и ЖКХ.

Все большую проблему представляет миграция из Таджикистана, Узбекистана и Киргизии, недовольство которой растет во всех регионах. Можно отметить, что последние полгода негатив постепенно смещался с уроженцев Кавказа на выходцев из Средней Азии. Количественно среднеазиатская миграция уже поравнялась с кавказской (включая армянскую и азербайджанскую), а местами – превзошла.
В некоторых национальных республиках проблема среднеазиатской миграции даже затмила традиционные трения (пусть и не переходящие в активную фазу) между русским и титульными этносами. В ряде случаев местные жители (независимо от национальности) объединяются, протестуя против миграции.

С азиатской миграцией (в т.ч. нелегальной) эксперты связывают и проблему наркотрафика. Кроме того, угрозой является распространение в среде мигрантов идей радикального ислама (в первую очередь среди узбеков и таджиков, в меньшей степени среди киргизов).
Миграция из государств-соседей по Дальнему Востоку в настоящее время носит контролируемый характер. Трудовая миграция из КНДР ограничена, осуществляется по плановому набору, не ухудшает криминогенной обстановки. Можно прогнозировать ухудшение ситуации лишь в случае возможного демонтажа политического режима в Северной Корее.
Так называемая китайская угроза оказалась, с точки зрения дальневосточных экспертов, сильно преувеличенной. Китайская трудовая миграция не вызывает значительных проблем: власти КНР стараются контролировать своих граждан в России, пресекая противоправное поведение. По мнению экспертов, настороженное отношение к Китаю в регионах ДФО за последние годы в целом изменилось на вполне лояльное. Теперь можно встретить экспертное мнение, что «китайцев у нас намного меньше, чем считают, их даже меньше, чем хотелось бы».

Отсутствие мощного притока мигрантов из Китая объясняется тем, что в настоящее время для них открыт ряд более привлекательных направлений по сравнению с Россией. Другая причина – все большее экономическое превосходство КНР и намного более динамичный рост китайских приграничных территорий по сравнению с российскими.
В настоящее время среднеазиатские диаспоры в РФ структурируются, оформляются, их деятельность становится более организованной, а численность позволяет выдвигать определенные требования. Несмотря на то что в Средней Азии, по мнению экспертов, наблюдается процесс снижения рождаемости, а значительная часть экономически активного населения уже выехала в Россию, они прогнозируют сохранение существующих миграционных трендов в течение ближайших 10 лет. Кроме того, нельзя не учитывать возможный обвал украинской экономики, который отправит на поиски работы в России от сотен тысяч до нескольких миллионов человек.

Крым и Севастополь

Появление в составе РФ в марте этого года двух новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя – является уникальным примером воссоединения с постсоветской Россией ее исторических территорий. Они включены в рейтинг

межэтнической напряженности впервые, поэтому им целесообразно уделить особое внимание.

В двух новых российских регионах межэтническая ситуация сильно отличается. Севастополь в силу подавляющего численного преобладания русского населения и наличия российской военной базы отличается атмосферой стабильности и межнационального согласия, здесь отсутствуют значительные конфликты. Что касается Республики Крым, то высокая межэтническая напряженность сознательно формировалась и поддерживалась здесь украинскими властями на протяжении всего постсоветского периода.

Как отмечают местные эксперты, в течение долгого времени Киев рассматривал Меджлис крымскотатарского народа в качестве «дубинки» против повышения гражданской, политической активности этнических русских Крыма, их стремления к самостоятельности, национальной самоидентификации. Добиваясь своих экономических и политических целей, Меджлис и после возвращения полуострова в состав России продолжает провоцировать экстремизм и межнациональную напряженность.

В многонациональной Республике Крым эксперты говорят о существовании единственной линии конфликта: часть крымскотатарского населения, попавшая под влияние нелегитимного Меджлиса, против русскоязычного большинства.

В настоящее время Крым является регионом, в максимальной степени (даже больше, чем Северный Кавказ) испытывающим деструктивное влияние извне (Украина, Турция, Саудовская Аравия, США и ЕС). Проводником данного влияния также является Меджлис и околомеджлисовские организации и активисты. Характерными методами их борьбы долгое время были подмена религиозных праздников и дней памяти политическими мероприятиями, шантаж властей и давление на них с целью завладения земельными участками и т.п. Меджлис является не единственной крымскотатарской организацией, в настоящее время на первый план выходят другие (ранее Меджлисом третировавшиеся), лояльные власти и настроенные на сотрудничество.

Исторической и историографической проблемой являются попытки специфически трактовать или скрыть феномен коллаборационизма значительной части крымских татар в Великую Отечественную войну исходя из политической конъюнктуры, что вызывает дискуссии в академических кругах. Гораздо важнее, однако, другое: всякая этнически мотивированная попытка «переписать» историю в будущем оборачивается новым межнациональным конфликтом, примером чему служит украинский опыт конструирования собственной истории.

Политика федерального центра и властей Крыма, направленная на укрепление национального согласия на полуострове, экспертами оценивается в основном положительно (особенно с учетом специфики переходного периода), однако можно отметить и некоторые издержки, например преференции, демонстративно предоставляемые татарам Крыма (в ущерб другим национальным меньшинствам), а также «привычное» невключение в

госпрограммы пунктов о развитии русской культуры, восстановлении православных памятников и т.д.

Можно прогнозировать следующие процессы в Республике Крым:

- постепенная маргинализация и деградация Меджлиса и – в качестве одной из возможных угроз – радикализация части его членов с переформатированием организации из националистической в религиозно-экстремистскую;

- нарастание земельных конфликтов из-за прибрежных участков, в ходе которых будет использоваться в том числе этническая мобилизация;

- увеличение числа конфликтов, связанных с реституцией;

- увеличение числа приезжих из других регионов страны (Северный Кавказ), намеренных заниматься бизнесом; возможно, стоит ожидать процессов, аналогичных происходящим в Краснодарском крае (вложение средств северокавказскими бизнесменами и политиками в гостиничный бизнес);

- постепенное нарастание трудовой миграции из Средней Азии (в среднесрочной перспективе);

- попытки влияния со стороны радикальных украинских организаций (учитывая очень высокий уровень националистической антироссийской мобилизации в целом на Украине).

Более подробно с ситуацией в Республике Крым можно ознакомиться на соответствующей региональной странице.

Северный Кавказ

Северный Кавказ традиционно считается самым напряженным макрорегионом страны. В то же время нельзя говорить о том, что проблемы межэтнических отношений и факторы напряженности одинаковы для всех северокавказских субъектов, поскольку СКФО является сложным и неоднородным округом.

Северокавказские регионы можно условно разделить на три группы:

- Связка Дагестан – Ставрополье, большинством экспертов названная наиболее проблемной и взрывоопасной.

- Относительно небольшие, либо моноэтничные (Ингушетия, Чечня), либо традиционно спокойные (по северокавказским меркам), республики (Адыгея, Северная Осетия). Суще-

ствовавшие там конфликты либо погашены, либо вынесены за пределы регионов и продолжаются в форме разногласий с соседями (Северная Осетия – Ингушетия, Чечня – Ингушетия).

- Относительно спокойные, но полиэтничные (с соответствующим закреплением полиэтничности) регионы, где межнациональная ситуация должна находиться под постоянным наблюдением (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия).

Типичными для Северного Кавказа факторами межэтнической напряженности являются земельные споры, вызванные возвращением реабилитированных народов, внутрирегиональной миграцией из горных районов в равнинные (это в наибольшей степени характерно для Дагестана, в меньшей – для Кабардино-Балкарии), а также проблемой дележа пастбищ жителями разных районов (что приводит в том числе к массовым дракам). Земельный конфликт усугубляется отсутствием документов на самовольно возведенные строения. Межэтнические конфликты могут быть спровоцированы отдельными группами региональных политических элит, использующими этническую мобилизацию для решения собственных задач. Таким образом, можно говорить о политизации этничности для легитимации своих претензий как одном из доминирующих общественно-политических трендов макрорегиона. Соответственно, межэтническая напряженность в регионах (муниципалитетах) СКФО может усиливаться после смены их руководства. Подобные формы этнической мобилизации в отдельных случаях (убийство, тяжкие телесные повреждения, порча имущества, радикальные заявления) могут получать независимое развитие.

Для полиэтничных республик СКФО характерно распределение властных полномочий по этническому принципу, сопровождаемое негласным «маркированием» важных (прибыльных) должностей, сфер интересов, предприятий, земель. В наибольшей степени это характерно для Дагестана, который, по общему мнению экспертов, на данный момент является самым проблемным регионом Северного Кавказа. Чрезвычайно напряженная ситуация в этой республике обусловлена как ее сложной этноконфессиональной структурой, так и экспансией исламского фундаментализма вкупе с активностью террористического подполья. Более подробно с ситуацией в Дагестане можно ознакомиться на соответствующей региональной странице.

Общей для Северного Кавказа проблемой остается высокая безработица на фоне демографического взрыва. Совокупность этих факторов ведет к росту межэтнической напряженности, причем не только в самих республиках, но и за их пределами. Сложилась парадоксальная ситуация: в регионах СКФО (кроме Ставрополья и Дагестана) в межнациональной сфере зафиксировано меньшее число конфликтных ситуаций, чем в более благополучных в экономическом плане Ростовской, Волгоградской областях, в Москве и Подмосковье, куда массово мигрирует кавказская молодежь.

В частности, обстановка в Чечне, где почти нет межнациональных проблем, резко контрастирует с частым упоминанием чеченцев в качестве участников этнически мотивированных конфликтов в Москве и других регионах (самые резонансные – в Кондопоге и

Пугачеве). Отсутствие подобных происшествий в самой Чечне обусловлено как фактической моноэтничностью послевоенной республики, так и авторитарным стилем управления Рамзана Кадырова, без бюрократической волокиты пресекающего всякий несанкционированный конфликт на подведомственной территории.

Вместе с тем в силу активного строительства в Грозном и других чеченских городах миграция и там постепенно становится фактором роста напряженности. Местные жители все чаще высказывают в социальных сетях недовольство тем, что застройщики нанимают низкооплачиваемых вьетнамцев и таджиков, а чеченские строители вынуждены искать работу в других регионах. Аналогичный процесс наблюдается в торговле: отсюда коренное население вытесняется азербайджанцами и китайцами. Проблема нелегальной миграции для Чечни также актуальна, ее решению, как и в других субъектах РФ, мешает коррупция. В то же время увеличение количества иностранных рабочих не вызывает заметного роста преступности в республике. Судя по всему, это объясняется местной спецификой: гастарбайтеры опасаются заниматься противоправной деятельностью, особенно сопряженной с насилием, соответственно, у местных жителей не возникает поводов для мести.

Восточная Сибирь и Дальний Восток

По объективным причинам регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока (за исключением Приморского края) не попали в зоны риска (красную, оранжевую, желтую), что еще не означает отсутствия каких бы то ни было проблем в сфере межнацотношений. Поэтому мы решили проанализировать этноконфессиональную ситуацию в этой части страны. Дальний Восток – макрорегион, более тяготеющий к Азии, чем к Европе, и в силу географической удаленности сдержанно реагирующий на события в европейской части РФ. Регион крайне обширен и разнообразен: в его состав входят образованные как по национальному принципу республики, автономные округ и область, так и по территориальному – области и края.
Во многих регионах Дальнего Востока социальные процессы жестко подчинены экономическим, а именно – добыче того или иного продукта (нефть, газ, рыба и т.д.), что, соответственно, снижает вероятность значительных конфликтов. Немногочисленное население, дисперсное проживание также снижают, но не ликвидируют риск межэтнических конфликтов.

В большинстве национальных регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока отношения между русским населением и титульной этнической группой вполне благополучны (небольшая численность коренных малочисленных народов Севера, их компактное проживание, давние традиции совместной жизни, межнациональные браки, отсутствие исторических сложившихся претензий друг к другу, наличие общих проблем). Отсутствие болезненных исторических тем приводит к тому, что юбилеи вхождения регионов в состав России не приводят к дискуссиям либо конфликтам.

В то же время отмечается наличие некоторой напряженности в Бурятии, Туве, Якутии,

Республике Алтай (относится к Западной Сибири, но во многих отношениях ближе к республикам Восточной Сибири и ДФО). К основным факторам, негативно влияющим на ситуацию, экспертами отнесены слабое социально-экономическое развитие, бедность, отсутствие либо банкротство имевшихся предприятий (Бурятия, Тува и пр.). Именно бедность населения обусловливает неприязнь к приезжим и недовольство предоставлением последним любых преференций (даже незначительных). В Туве отмечается довольно высокий уровень претензий, носящих исторический характер, а также склонность трактовать события (преступления, кадровые назначения, победы в конкурсах) именно в контексте этнической принадлежности человека.

Стоит учитывать, что и в Туве, и в Якутии в 1990-е гг. происходили межэтнические конфликты, формирование региональных этнократий и выдавливание русского населения, поэтому неудивительно, что в настоящее время многие решения воспринимаются сквозь призму межэтнических отношений, сохраняется ожидание конфликта. Для Бурятии, Тувы, Якутии и Республики Алтай характерны взаимные претензии представителей разных этнических групп по поводу кадровой политики региональной власти, в Республике Алтай данные претензии высказываются наиболее часто. О Якутии как регионе с наличием межэтнической напряженности говорили в первую очередь эксперты не из Якутии, а из других субъектов ДФО.

Эксперты из регионов Дальнего Востока чаще, чем другие, отмечали в качестве основного фактора межэтнической напряженности экономическое неблагополучие, которое уже приводит к оттоку не только русского, но и квалифицированного коренного населения. Отток жителей усугубляется нарастающим притоком мигрантов.

Миграция в регионы Дальнего Востока началась с некоторым опозданием и не с такой интенсивностью, как в европейской части страны, однако в настоящее время начинает вызывать аналогичные проблемы. Характерным для дальневосточных и восточносибирских регионов является небольшой масштаб северокавказской миграции и значительный – среднеазиатской. Приезд гастарбайтеров связан, как правило, с большими инфраструктурными и строительными проектами, которые разворачиваются в нескольких регионах (в основном в Приморском крае), нарастание межэтнической напряженности коррелирует с ростом числа новых проектов. В основном напряженность связана с выходцами из Средней Азии, а не Китая. Выступления гастарбайтеров и конфликты в их среде часто связаны с плохими условиями труда и дефицитом рабочих мест. Прямой же конкуренции за рабочие места с местным населением в настоящее время не наблюдается по причине занятия разных ниш на рынке труда, однако настороженность в отношении мигрантов растет. Последнюю усиливают рост преступности и конфликтов между самими гастарбайтерами, спровоцированные межгосударственными конфликтами в Средней Азии.

Нарастание миграции (особенно из Средней Азии) приводит к росту числа бытовых конфликтов, что отодвигает на второй план проблемы взаимоотношений русского и титульных этносов.

Этнократизация власти в республиках уже практически завершена, и началась внутриэлитная борьба между отдельными группировками, сформированными, как правило, по земляческому принципу (выходцы из одного района). Соответственно, приходя к власти, один клан начинает вытеснять другие, и межэтнические отношения могут играть здесь второстепенную роль: представитель титульного этноса может вытеснить как русского, так и представителя своего же этноса, принадлежащего к другому клану. Эксперты из Бурятии выразили озабоченность сломом прежней системы этнического баланса в органах власти, а также назначением «варягов», начинающих «кадровые чистки». Зачастую распределение при голосовании носит этнический характер (это характерно для Тувы).

Снижение количества и остроты конфликтов сопровождается консервацией управленческих структур и закреплением кумовства, носящего ярко выраженный клановый характер. Основным фактором отъезда русского (а также части квалифицированных представителей титульного) населения становится социально-экономическая неустроенность и проблемы с трудоустройством (получением адекватного квалификации места). Отток специалистов создает в том числе языковую проблему, что особенно характерно для Тувы: нехватка учителей-носителей русского языка приводит к тому, что молодые тувинцы просто не могут разговаривать на русском, что, в свою очередь, является одним из факторов конфликтности.

Несколько выделяется на фоне даже остальных труднодоступных регионов Чукотский автономный округ, на территории которого фиксируется почти полное отсутствие преступности и прочих социальных девиаций (включая межэтнические конфликты). Объясняется это изолированным положением Чукотки, низкой транспортной доступностью, приграничным статусом, суровым климатом и, как следствие, отсутствием миграции в привычном понимании. Единственный фактор напряженности, сближающий Чукотку с остальными субъектами РФ, – интернет-активность базирующихся за пределами региона групп, провоцирующих конфликты.

В отношении Восточной Сибири и Дальнего Востока эксперты отметили отсутствие внятной государственной политики по ряду направлений, в частности по привлечению рабочих-мигрантов. Высказано недоумение неравномерностью распределения квот между приезжими рабочими из Китая (которых не всегда пускают из-за нехватки квот) и Средней Азии (которые въезжают беспрепятственно). По мнению опрошенных экспертов, целесообразно предоставлять квоты рабочим именно из КНР, так как последние, не зная языка и не желая оставаться, уезжают после окончания срока работы, в отличие от мигрантов-среднеазиатов.

Отмечено также, что вложения в титульный этнос без соответствующих программ привели не к развитию традиционного сельского хозяйства, а к покупкам недвижимости и появлению спекулятивного капитала среди представителей титульных этносов; непродуманная политика в отношении малых коренных народов в сфере традиционных промыслов (рыболовство) иногда вызывает конфликты; клановость (улусность) при распределении должностей привела к вытеснению квалифицированных специалистов и оттоку населения.

Интернет-экстремизм

Большинство экспертов отметили нарастание интернет-экстремизма, обострение дискуссий в сети, появление ранее не существовавших оскорблений по этническому признаку; ряд экспертов высказали гипотезу о целенаправленном и управляемом процессе наращивания межэтнической напряженности в интернете.

По данным мониторинга, при общем снижении уровня конфликтности за последние шесть месяцев произошло увеличение числа зарегистрированных проявлений онлайн-экстремизма на 22% (по сравнению с предыдущим полугодичным периодом). Однако нельзя утверждать, что эта динамика свидетельствует о реальном росте ксенофобии в сети. Возможно, на статистику повлиял перенос фокуса внимания правоохранительных органов с противодействия «оффлайн-экстремизму» (например, актам националистически мотивированного насилия, вандализму с нацистским подтекстом и т.д.) на борьбу с разжиганием розни в интернет-среде.

При этом сохраняется проблема отсутствия единого правоприменения в отношении ст. 282 УК и ст. 20.29 КоАП. Мониторинг свидетельствует о том, что выбор в применении той или иной статьи (и санкции в рамках статьи) во многом зависит от состояния межнациональных отношений в регионе: т.е. чем сильней общая напряженность, тем вероятней, что акт онлайн-экстремизма будет квалифицирован как преступление, а не правонарушение, и будет назначено более суровое наказание. Разъяснения Верховного суда по данным статьям, очевидно, сформулированы недостаточно четко, а выделение в качестве основания для правовой оценки наличия злого умысла в онлайн-размещении экстремистских материалов препятствует формированию единообразного юридического подхода к актам интернет-экстремизма.
Существующая система борьбы с распространением радикальных взглядов в интернете, основанная на поиске сотрудниками ЦПЭ МВД и ФСБ экстремистских материалов из соответствующего федерального списка и ксенофобных комментариев в социальных сетях и на других сайтах, очевидно, неспособна выполнить поставленные перед ней цели и нуждается в реформировании, поскольку реактивна, очень громоздка и не решает вопросы профилактики экстремизма и пропаганды позитивных ценностей.

Основные выводы

- Украинский кризис сплотил российское общество, отодвинув на задний план такие острые проблемы, как неконтролируемая среднеазиатская и кавказская миграция и этническая преступность.

- Несмотря на снижение числа межэтнических конфликтов и внимания к ним со стороны СМИ, принципиально этноконфессиональная ситуация за полгода не изменилась. Об этом свидетельствует ряд резонансных преступлений с участием приезжих в Москве, на Ставрополье, в Саратовской области и в ряде других субъектов.

- После окончания украинского кризиса или его перехода из острой в вялотекущую фазу можно ожидать возобновления роста межнациональной напряженности в наиболее проблемных с этой точки зрения российских регионах (красная, оранжевая и желтая зоны).

- К беженцам с востока Украины большинство населения России относится с сочувствием, в том числе из-за этнокультурной близости, однако масштаб переселения и неготовность многих регионов к дополнительной социальной нагрузке создают конфликтный потенциал. В полной мере он может проявиться в случае дальнейшего ухудшения экономической ситуации. Кроме того, в некоторых регионах местное население уже выражает недовольство «чрезмерными благами», выделяемыми беженцам.

- Среднеазиатская миграция постепенно становится одной из наиболее острых проблем в силу повсеместного проникновения и колоссальных масштабов. Государственные инициативы по социальной адаптации трудовых мигрантов не решают таких хронических проблем, как наркотрафик из Средней Азии, высочайший уровень преступности среди мигрантов, особенно нелегалов, конфликты между гастарбайтерами и т.д. Прогнозируемое ухудшение социально-экономической ситуации еще больше обострит эти проблемы.

- Так называемая этническая преступность остается предметом ожесточенных дискуссий. Многими экспертами не признается в принципе этнический характер противоправной деятельности тех или иных ОПГ. Вместе с тем констатируется, что объединение преступников по языковому критерию (или по принципу землячества) и выбор жертв исключительно среди чужаков по сути совпадают с этническим делением.

- Экспансия радикального ислама остается мощным дестабилизирующим фактором. В последние полгода еще сильнее обозначилась тревожная тенденция проникновения исламского фундаментализма не только на Северный Кавказ и в Поволжье, но и в немусульманские регионы с высоким уровнем межнационального напряжения, в первую очередь в ХМАО.

- Серьезная озабоченность национальным вопросом, демонстрируемая федеральным центром в конце 2013г. – начале 2014г. (вызванная пугачевскими, бирюлевскими и другими событиями), сменилась успокоенностью на фоне консолидации российского общества перед лицом «внешней угрозы». По мнению некоторых экспертов, именно этим (наряду с оптимизацией бюджетных расходов) объясняется упразднение Минрегиона, ответственного в том числе за нацполитику.

- Неявным, но значимым фактором межэтнической напряженности остается фактическое неравноправие «равноправных» по Конституции субъектов РФ, которое выражается в специфическом распределении средств федерального бюджета, а также в ощутимой разнице между уровнями реальных полномочий глав некоторых республик с одной стороны и губернаторов большинства регионов – с другой.

- В связке «местные-приезжие» каждая группа воспринимает себя ущемленной по этническому признаку. Так, причинами массовых протестных акций неоднократно становились

преступления, совершенные выходцами с Кавказа, и убежденность местного населения в лояльности правоохранительной и судебной систем к таким преступникам. В то же время многие представители северокавказских сообществ убеждены в несправедливом отношении к себе и своим землякам со стороны полиции и более лояльном – к русским.

- Многие эксперты негативно характеризуют систему негласного этнического квотирования должностей в национальных республиках, в то же время заявляя, что отказаться от нее в настоящее время не представляется возможным, так как эта практика позволяет достичь хотя бы хрупкого общественного согласия.

- В ряде регионов преобладающей формой межнациональной розни стал интернет-экстремизм, с которым весьма энергично борются компетентные органы. Фигурантами многочисленных уголовных дел по известной 282-й статье становятся, как правило, подростки и молодые люди, размещающие в соцсетях ролики, фото и комментарии ксенофобного характера. При этом мера наказания за одни и те же правонарушения в разных регионах может сильно отличаться: символический штраф, крупный штраф, административный арест, условное или реальное тюремное заключение.

- Все более серьезной проблемой становится дефицит в ряде национальных республик учителей русского языка, являющихся его носителями. Плохое знание языка межнационального общения влечет целый ряд проблем, связанных с интеграцией в общество: во время службы в армии, при трудовой миграции в другие регионы, при усвоении норм поведения в местных сообществах.

- Сохраняется тренд на увеличение числа конфликтов между организованными группами, сформированными, с одной стороны, по принципу этнической идентичности (диаспоры), с другой – по принципу общего хобби, рода занятий, идеологии (футбольные фанаты, байкеры и пр.).

- Экстраполяция конфликтов в регионах происхождения мигрантов на их взаимоотношения в России прослеживается в разной степени. Для выходцев из Закавказья это почти не характерно. Причин здесь может быть несколько. Во-первых, данные мигранты зачастую не занимаются тяжелым неквалифицированным трудом, а занимаются бизнесом, соответственно, цена конфликта для них (в результате, например, увечья либо депортации) заметно повышается. Что касается мигрантов из Средней Азии, то, говоря о взаимоотношениях между ними, большинство экспертов сделали вывод, что экстраполяция конфликтов велика.

- В большинстве регионов с непростой этноконфессиональной ситуацией отсутствует внятная национальная политика, местные власти демонстрируют реактивное управление, устраняя «симптомы», а не «причину болезни». В значительной степени это обусловлено существующим на федеральном уровне негласным табу на откровенное обсуждение межэтнических проблем. Предметная дискуссия чаще всего подменяется ритуальным воспроизведением догмы о многонациональном характере России.

Очень высокая напряженность

Регион характеризуется очень высокой степенью межэтнической напряженности (религиозной вражды). Зафиксировано значительное количество конфликтов на почве национальной ненависти, в том числе массовых, в том числе с применением насилия. Общий прогноз неблагоприятный, возможна дальнейшая эскалация конфликтов.

Москва

Несмотря на сокращение числа проявлений межэтнической напряженности в Москве, качественного изменения ситуации в рассматриваемый период в столице не произошло. На фоне значительного снижения градуса ксенофобного насилия в городе инцидент с убийством фаната ФК «Спартак» двумя гражданами Узбекистана в Пушкино вызвал большой общественный резонанс и продемонстрировал, что межэтническая напряженность и связанное с ней насилие по-прежнему актуальны для столицы. Этот конфликт стоит в ряду аналогичных громких происшествий, в которых жертвами нападений со стороны выходцев с Кавказа или Средней Азии становились футбольные болельщики, и в силу именно этого обстоятельства получавших продолжение в виде массовых акций протеста и широко освещавшихся в СМИ. Подавляющее большинство столкновений на этнической почве, в том числе с применением насилия, не попадают в ленты новостей и не вызывают острой общественной реакции.

Это касается и регулярных нападений праворадикальной молодежи и подростков на трудовых мигрантов из стран Средней Азии. Некоторые конфликты направлены против чернокожих студентов и футболистов, что свидетельствует о сохранении в Москве расистских настроений.

Эксперты оценивают напряженность в Москве как традиционно очень высокую – данный тезис не подвергается сомнению и объясняется высочайшим миграционным притоком. Говоря о столице (наряду с Московской областью), специалисты нередко используют термин «этническая преступность», отмечая, что представители криминала из числа мигрантов предпочитают группироваться по этнолингвистическому признаку. Помимо прочего, это затрудняет внедрение в их ряды сотрудников правоохранительных органов и

получение информации. В частности, нигерийцы, занимающиеся наркобизнесом в Москве, объединяются по племенному принципу, отличаясь от других соотечественников диалектом.

Наблюдатели отмечают, что в Москве конфликты случаются не только между приезжими и местным населением, но и между разными группами приезжих, оговариваясь, что потасовки между гастарбайтерами отражаются в СМИ намного реже, и отсюда возникает ощущение их небольшого числа. Основной причиной столкновений между мигрантами называют дефицит рабочих мест.

Сохраняется отмеченная в предыдущем рейтинге тенденция к геттоизации Москвы, обусловленная сегрегацией мест проживания определенных этнических групп, отличающихся от местного населения в этноконфессиональном отношении. Пока этот процесс находится в латентной фазе, однако при сохранении массовой плохо контролируемой миграции в обозримом будущем на окраинах столицы неизбежно начнут появляться этнические анклавы. Ситуация усугубляется оттоком из проблемных районов, таких как Западное Бирюлево, коренного населения – как по причине засилия гастарбайтеров, так и в силу общего неблагополучия этих территорий. Геттоизация представляет угрозу и для самих мигрантов – они лишаются даже теоретической возможности интегрироваться в местное общество. По мнению экспертов, снижение межэтнической напряженности в Москве возможно при условии создания в стране других мощных экономических центров, которые оттянули бы на себя часть миграционного потока. Однако предпосылок для этого пока нет. Временное перераспределение потоков иностранной рабочей силы может быть связано только с подготовкой регионов к чемпионату мира по футболу.

Таким образом, в Москве сохраняется стабильно напряженная межэтническая ситуация. Временная разрядка обусловлена украинским кризисом, по окончании которого обстановка может вновь обостриться. Высочайший уровень миграции, геттоизация окраин столицы и бюрократический подход местных властей к решению межнациональных проблем формируют мощный конфликтный потенциал. Оснований для снижения напряженности в обозримом будущем нет.

Позиция региона в прошлом рейтинге: красная зона

Динамика: ситуация не улучшается

Основные проблемы: колоссальный миграционный приток, этническая преступность, отсутствие эффективного контроля за мигрантами, исламизация приезжих, этноконфессиональная мобилизация диаспор для давления на власть, этнизация политики, интернет-ксенофобия, системное этническое противостояние молодежных группировок

Республика Дагестан

В этноконфессиональном отношении (как и во многих других) Дагестан остается одним из самых проблемных регионов страны. Природа стабильно высокой конфликтности здесь принципиально иная, чем в других сложных субъектах РФ. Если в Москве, Петербурге, ХМАО или на Ставрополье межэтническая напряженность обусловлена в первую очередь неконтролируемой миграцией и этнопреступностью, то в Дагестане острые противоречия возникают между представителями многочисленных местных этносов. Следует отметить парадоксальную разобщенность (доходящую до вооруженной междоусобицы) так называемых титульных народов республики на фоне их высокой сплоченности в качестве «дагестанцев» за пределами малой родины, особенно во взаимоотношениях с некавказцами.

Внутридагестанские конфликты провоцируются прежде всего укоренившейся в республике пагубной практикой национального квотирования. Как подчеркивают кавказоведы, в Дагестане каждая должность в системе государственной и муниципальной власти незримо помечена этническим маркером. На протяжении полувека ключевые посты в республике достаются представителям двух наиболее многочисленных местных народов: аварцев и даргинцев. Представители других крупных этнических групп в этой связи считают себя ущемленными и периодически пытаются изменить статус-кво или хотя бы получить «отступные». Ряд экспертов убеждены, что такая система выгодна не республиканским элитам, а Москве, которая таким образом якобы пытается избежать дестабилизации обстановки. Однако существует мнение, что именно практика распределения власти по национальному принципу постоянно держит межэтнические отношения в Дагестане в напряженном состоянии.

Усугубляет ситуацию чрезвычайно высокий уровень коррупции в республике, автоматически превращающий борьбу за власть (даже на местном уровне) в борьбу за ресурсы: землю, доступ к распределению федеральных дотаций и пр. Такое положение вещей консервирует этнократизм дагестанских народов и формирует мощный и устойчивый конфликтный потенциал.

Если внутридагестанскую межэтническую ситуацию можно охарактеризовать как динамическое равновесие – когда периодическая турбулентность неспособна опрокинуть всю систему – то экспансия в регион исламского фундаментализма является абсолютно дестабилизирующим фактором. Стремительная исламизация Дагестана (и в целом Северного Кавказа) в постсоветский период упростила проникновение в регион ваххабизма, ставшего идеологической основой для террористического подполья. Активность исламистских бандформирований, а также имамов-салафитов сама по себе не является националистической, но косвенно провоцирует в том числе и межэтническую рознь. Как известно, приверженцы «чистого ислама» гораздо менее терпимы к немусульманам, чем, например, последователи суфизма, а также к приверженцам иных течений ислама. Кроме салафитов (ваххабитов) и суфиев в Дагестане живут мусульмане-шииты, представленные в основном азербайджанцами. Суфийские братства в республике также в основном формируются по этническому принципу. Между салафитами и суфиями ведется необъявленная

религиозная война (жертвами становятся как правило имамы), неизбежно усиливающая и межнациональную рознь.

Несмотря на заявления руководства Дагестана о сужении социальной базы терроризма, бандподполье в последние полгода активизировалось, о чем свидетельствует частое введение режима КТО в разных районах республики и аресты участников незаконных вооруженных формирований. Предшествовавшее этому временное затишье, судя по всему, было обусловлено интенсивной профилактической работой спецслужб накануне сочинской Олимпиады. Тревожной тенденцией стали участившиеся факты вербовки радикальными исламистами кавказской молодежи для участия в боевых действиях на стороне террористов в Ираке и Сирии.

Остаются актуальными и традиционные для Дагестана экономически обусловленные факторы межэтнической напряженности. Среди них важное значение имеют земельные конфликты, в первую очередь вокруг Новолакского (Ауховского) района. Нежелание лакского и аварского населения района уступать обжитые земли чеченцам-аккинцам продиктовано соображениями выгоды, но вместе с тем воскрешает исторические обиды и вносит элемент межэтнической розни. На объективных противоречиях спекулируют элиты спорящих народов.

Росту напряженности способствуют такие хронические проблемы Дагестана, как высокая безработица, деиндустриализация региона в постсоветский период, архаизация общества. Последняя проявляется в том числе в существовании на территории республики рабства. Эта проблема носит выраженный этнический характер, поскольку в качестве рабов используются похищенные или обманутые русские (русскоязычные) из центральных и южных регионов России. «Это налаженный бизнес, и, как любой бизнес, он подчиняется законам экономики: слишком далеко везти человека просто накладно. А вот из Москвы – да, это делается достаточно часто. Местная власть на эту проблему не реагирует, не реагирует традиционно. Во-первых, это бы серьезно дискредитировало республику. Вторая проблема – это коррупция: просто те, кому положено это замечать, как я могу предположить, в доле», – рассказал один из экспертов, попросивший не называть его имени.

Очень серьезной проблемой являются также регулярные попытки лидеров дагестанских кланов использовать этнический фактор в качестве инструмента общественно-политической мобилизации во внутриэлитной борьбе. Формируемый ими конфликтный дискурс обретает самостоятельный характер и способен провоцировать новые конфликты. Наконец, нельзя не отметить продолжающийся мощный отток населения, прежде всего молодежи, из Дагестана в Москву и другие экономически развитые регионы. С одной стороны, это позволяет в какой-то степени разрядить обстановку в самой республике, с другой – повышает «среднероссийский» уровень межэтнической напряженности и формирует негативное отношение к выходцам с Кавказа.

В целом этноконфессиональная ситуация в Дагестане остается стабильно напряженной, колебания террористической активности обусловлены большими или меньшими успехами

спецслужб. Республика по-прежнему подвержена влиянию исламского фундаментализма, не устранены также специфически дагестанские факторы напряженности: распределение власти по национальному принципу, земельные споры между этносами, клановость и высочайшая коррупция. Для устойчивого снижения уровня напряженности нет предпосылок.

Позиция региона в прошлом рейтинге: красная зона

Динамика: ситуация стабильно напряженная

Основные проблемы: экспансия радикального ислама, религиозная вражда, терроризм, традиционное распределение власти по национальному принципу, клановость, этнизация внутриэлитной борьбы, высокая безработица на фоне демографического взрыва, земельные споры между этническими группами, этноконфессиональная архаизация

ХМАО

Комментируя предыдущий рейтинг, ряд специалистов обратили внимание на обстановку в ХМАО, отметив, что она несравненно тревожнее ситуации в Тюменской области. События последнего полугодия подтвердили этот тезис.

Значительное количество конфликтов, в том числе резонансных, указывают на очень высокий уровень межэтнической напряженности и системный характер проблем в данной сфере. Расследование некоторых громких преступлений пришлось даже взять под личный контроль руководителю Следственного комитета.

Для округа характерна ситуация, противоположная сложившейся в большинстве регионов страны, где на фоне украинского кризиса происходит консолидация общества, снижение уровня межэтнической напряженности и консервация националистических настроений. За прошедшие шесть месяцев в ХМАО произошел целый ряд ожесточенных межэтнических столкновений и резонансных преступлений с участием приезжих с Кавказа – чеченцев, дагестанцев, азербайджанцев. Неслучайно эксперты, специализирующиеся на Северном Кавказе и Закавказье, в своих комментариях к данному рейтингу упоминали и ХМАО, хотя, казалось бы, к сфере их интересов он не относится.

В основном конфликты имеют насильственный и массовый характер. Не разрешены противоречия между представителями коренных народов и нефтедобывающими компаниями. Регулярно происходят задержания членов экстремистских религиозных организаций. Мероприятия по нормализации обстановки, проводимые органами местной власти и правопорядка, демонстрируют чрезвычайно низкую эффективность, большинство принимаемых мер носят аппаратный характер и не связаны с непосредственной работой с населением. Ситуация усугубляется еще и тем, что кризис в сфере межнациональных отношений не признается региональной властью. Сочетание низкой эффективности работы

ответственных чиновников, переплетение межнациональной и межконфессиональной вражды и обострение социально-экономических противоречий обусловило взрывоопасную обстановку в регионе.

Одним из главных факторов межэтнической напряженности в ХМАО является привлекательность региона для внутренней и внешней миграции и, как следствие, чрезвычайно высокий уровень экономической конкуренции. Впрочем, сложный этнический состав автономии объясняется не только ее экономической привлекательностью, но и рядом исторических особенностей. В частности, среди населения ХМАО относительно велик процент выходцев из различных регионов Кавказа, приехавших в Ханты-Мансийский округ еще в советские времена как специалисты нефтяной отрасли.

Сегодня в ХМАО эксперты отмечают рост влияния кавказских диаспор, которые не только постепенно вытесняют русскоязычное население, но и вступают в конфликты с мигрантами-азиатами. Дальнейший рост межэтнической напряженности в какой-то степени удается сдерживать за счет богатства региона и доступа разных категорий приезжих к социальным благам, однако в свете новых экономических трудностей этот стабилизирующий фактор начинает терять свое значение.

Высоким притоком мигрантов обусловлено также стремительное распространение радикального ислама, в основном среди самих приезжих. Специалисты отмечают рост влияния «Хизб ут-Тахрир» на мусульманское население округа, подчеркивая, что на данном этапе угроза носит латентный характер.

Среди проявлений межэтнической напряженности особое место занимают конфликты, первопричиной которых послужил криминальный передел собственности. За прошедшие полгода зафиксирован ряд случаев, которые могут быть интерпретированы как попытки рейдерского захвата собственности у представителей кавказских этнических преступных групп. Инциденты такого рода, как правило, имеют насильственный характер.

В целом межэтническая ситуация в ХМАО крайне напряженная, имеет тенденцию к ухудшению. Высокая неконтролируемая миграция, экспансия радикального ислама и ожесточенная экономическая конкуренция на фоне невнятной национальной политики окружных властей создают мощный конфликтный потенциал, для нейтрализации которого пока нет никаких предпосылок.

Позиция региона в прошлом рейтинге: оранжевая зона

Динамика: ситуация ухудшается

Основные проблемы: масштабная плохо контролируемая трудовая миграция, рост влияния кавказских диаспор, этническая преступность, экспансия радикального ислама, неэффективная политика региональной власти в сфере межнациональных отношений, рост интернет-ксенофобии, конфликты хантов с нефтяными компаниями

Высокая напряженность

Регион с высокой степенью межнациональной напряженности. Этническое противостояние начинает приобретать системный характер. Высока угроза выхода ситуации из-под контроля. Общий прогноз умеренно неблагоприятный, серьезный инцидент может спровоцировать массовый конфликт.

Краснодарский край

В рассматриваемый период межэтническая напряженность в Краснодарском крае осталась на прежнем уровне, как с точки зрения количества ее проявлений, так и с точки зрения их интенсивности. Большая часть фиксируемых конфликтов связана с онлайн-экстремизмом (размещение ксенофобных аудио- и видеоматериалов в социальных сетях, враждебные интернет-комментарии в отношении представителей некоторых национальностей и т.д.), направленным против выходцев из Средней Азии и Северного Кавказа. Это может говорить как о накоплении определенного конфликтного потенциала, способного вылиться в открытые действия «offline», так и о высокой активности правоохранителей в борьбе с данным видом преступлений. Среди привлеченных к ответственности за экстремизм можно выделить две группы: молодежь (18–29 лет) и люди пенсионного и предпенсионного возраста (50–67 лет), что может свидетельствовать о массовости и остром характере межнациональной вражды в регионе. Также она отличается устойчивостью, поскольку в последние полгода оставалась примерно на том же уровне, что и до зимних Олимпийских игр в Сочи, несмотря на разницу в принимаемых мерах безопасности и количестве трудовых мигрантов. Высокий уровень межэтнической напряженности в регионе сохраняется ввиду ее укорененности, а также низкой эффективности профилактических мероприятий, проводимых региональными властями.

Среди факторов, повлиявших на межэтническую напряженность в анализируемый период, можно выделить как традиционные (высокая привлекательность Кубани для внутренней и внешней миграции, «черкесский вопрос» и т.д.), так и новые (150-летие окончания Кавказской войны, муниципальные выборы и др.). Как отмечают местные эксперты, сегодня конфликтогенный характер имеет этнополитическая мобилизация адыгских объединений в республиках Северо-Западного Кавказа, объективно ведущая к росту центробежных тенденций в них и затрагивающая территорию Краснодарского края. В регионе

русско-адыгейские противоречия проявляются на общественно-политическом, экономическом, бытовом и криминальном уровнях.

Одним из наиболее резонансных случаев стала массовая драка в Краснодаре, в ходе которой вооруженные битами люди в масках напали на персонал кафе и посетителей кавказской внешности. В результате нападения один из посетителей кафе, житель Адыгеи, скончался. Несмотря на то что следствие подчеркивало чисто криминальный характер происшествия, некоторые представители общественности Адыгеи и Краснодарского края попытались акцентировать внимание на межэтническом аспекте. Однако эскалации конфликта не произошло в результате достаточно оперативных действий правоохранительных органов, которые быстро смогли установить и задержать нападавших.

Таким образом, в рассматриваемый период межэтническая напряженность в крае носила преимущественно виртуальный характер и достаточно эффективно пресекалась. В то же время на Кубани накоплен значительный конфликтный потенциал, грозящий серьезной дестабилизацией. Местные власти и силовики реагируют ситуативно, профилактика напряженности недостаточна эффективна. Предпосылок для снижения уровня межэтнической напряженности нет.

Позиция региона в прошлом рейтинге: оранжевая зона

Динамика: ситуация не улучшается

Основные проблемы: изменение этнического баланса в пользу выходцев с Кавказа и Средней Азии, этническая преступность, интернет-экстремизм, рост ксенофобных настроений среди молодежи, эксплуатация темы «геноцида черкесов», этнополитическая мобилизация адыгов

Республика Крым

Этноконфессиональная ситуация в Крыму в значительной степени обусловлена событиями, происходившими в республике в постсоветский период, до ее возвращения в состав России. В рамках данного исследования анализируются межнациональные отношения на полуострове лишь за последние полгода. Вместе с тем необходимо кратко напомнить о событиях в межэтнической сфере, непосредственно предшествовавших воссоединению Крыма с РФ.

Государственный переворот в Киеве и последовавшая за ним отмена регионального статуса русского языка на Украине вызвали резко негативную реакцию русского большинства Крыма и актуализировали многолетнее стремление русскоязычных жителей полуострова к воссоединению с Россией. Общественная организация Меджлис крымскотатарского народа попыталась воспрепятствовать этому процессу, заняв откровенно русофобскую и

прокиевскую позицию. 26 февраля Меджлис организовал митинг под стенами парламента Крыма с целью сорвать заседание, на котором ожидалось принятие решения о вхождении республики в состав РФ. Параллельно митинговали активисты партии «Русское единство», настроенные пророссийски. В результате столкновения с применением холодного оружия и отравляющих веществ двое представителей русской общины погибли, несколько десятков человек были ранены.

Как отмечают местные эксперты, в течение долгого времени украинские власти рассматривали Меджлис в качестве «дубинки» против повышения гражданской, политической активности этнических русских Крыма, их стремления к самостоятельности, национальной самоидентификации. Добиваясь своих экономических и политических целей, Меджлис провоцирует экстремизм и межнациональную напряженность.

Несмотря на ожесточенный характер русско-татарского противостояния накануне воссоединения Крыма с Россией, эскалацию насилия удалось предотвратить, и в дальнейшем проявления межэтнической напряженности не носили массового и насильственного характера. Главным стабилизирующим фактором послужил референдум о вхождении полуострова в состав РФ, по результатам которого стало ясно, что подавляющее большинство жителей республики, независимо от национальности, разделяют активную пророссийскую позицию. Следует также отметить энергичные меры, принятые федеральными властями с целью максимальной интеграции крымскотатарского населения в российское общество. Среди наиболее значимых: реабилитация крымских татар, их кооптация в органы власти республики, законодательное закрепление крымскотатарского языка, наряду с русским и украинским, в качестве государственного, создание условий для получения образования на родном языке, создание Таврического муфтията, налаживание деловых, культурных и прочих контактов Татарстана и крымских татар.

Меджлис, оказавшись в новых условиях на положении маргинальной организации, остается, тем не менее, основным дестабилизирующим фактором. Российские власти адекватно оценивают конфликтный потенциал организованного крымскотатарского национализма, что выражается, в частности, в запрете въезда на территорию Крыма антироссийски настроенным лидерам Меджлиса.

Продолжение деструктивной политической линии, проводимой Меджлисом, при определенных условиях (ошибках, допущенных чиновниками в национальном вопросе, ухудшении экономической ситуации и т.д.) может вылиться в резкое нарастание напряженности. Актуальны и другие риски. Значительным конфликтогенным потенциалом обладает возможное переселение на территорию Крыма многочисленных представителей ранее депортированных народов (немцев, греков, армян и др.), что может обострить земельные споры и потребует дополнительных бюджетных расходов. Потенциальным фактором напряженности для республики может стать ухудшение ситуации в Средней Азии (район Ферганской долины), в результате которого в Крым переселится оставшаяся часть крымских татар (пока не желающих переезжать), вместе с которыми может переехать часть узбекского населения.

Дополнительные риски создает также отсутствие у федеральной власти опыта включения регионов в состав РФ, что может привести и уже приводит к возникновению конфликтов, обусловленных различиями в законодательстве и изменениях в правоприменении на полуострове.

Отметим, что порождающие межэтническую напряженность бесконечные претензии крымскотатарских активистов – характерный пример иррационального мотива конфликта. Большинство выдвигаемых Меджлисом аргументов об «ущемленности» крымскотатарского населения не соответствуют действительности: уровень его обеспеченности земельными участками, автомобилями и пр. намного превышает аналогичные показатели остальных этнических групп.
В качестве обнадеживающего факта можно отметить, что безальтернативные точки зрения на межэтнические отношения, радикальные взгляды в большей степени характерны для людей среднего и старшего возраста. Молодежь в Крыму, по мнению экспертов, озабочена решением других задач: поиска работы, получения образования и т.д.

Кроме межэтнического взаимодействия, целесообразно упомянуть и религиозный фактор: в Крыму до воссоединения с Россией открыто вели пропаганду активисты исламистской террористической организации «Хизб ут-Тахрир», имеющей связи с Меджлисом.
Последствия 20 с лишним лет межэтнического противостояния, разумеется, не исчезнут одномоментно. Межнациональные отношения в Крыму в настоящее время можно характеризовать как «режим ожидания»: русские движения достигли своей конечной цели и с новыми пока не определились, украинские движения не оформлены, Меджлис занял выжидательную позицию, однако периодически провоцирует конфликты. За последние годы лозунг об ущемленном положении татар Крыма превратился в постоянный инструмент давления на власть. Множество конфликтов таким образом «раскручиваются» в качестве межэтнических, хотя реальным мотивом является желание получить некие материальные выгоды. Положительным фактором является рост активности крымскотатарских объединений, оппозиционных Меджлису, лояльных России и не нацеленных на конфликт.
Резюмируя, следует отметить, что в целом ситуация в Республике Крым стабильна: высокий уровень межэтнической напряженности компенсируется эффективной работой федерального центра и крымских властей. Налажен межнациональный диалог, который, тем не менее, под угрозой в силу мощного дестабилизирующего фактора в лице Меджлиса и поддерживающих его зарубежных игроков. При этом необходимо учитывать, что любое обострение межэтнической ситуации в Крыму по понятным причинам вызовет гораздо более сильный резонанс, чем аналогичный конфликт в другом регионе России.

Позиция региона в прошлом рейтинге: отсутствует

Динамика: ситуация постепенно улучшается

Основные проблемы: сложная этноконфессиональная структура республики, взаимные исторические претензии, деструктивная активность Меджлиса крымскотатарского народа, попытки Киева и Запада разыграть в Крыму национальную карту в геополитических целях

Республика Татарстан

Татарстан является одним из самых экономически развитых регионов России, уже это делает его привлекательным для мигрантов, что закономерно приводит к росту межэтнической напряженности. Среди негативных факторов эксперты также выделяют следующие: относительная близость Северного Кавказа; проникновение в Татарстан радикального ислама; склонность части населения, в том числе республиканских элит, трактовать решения и события сквозь призму межэтнических отношений; инерция 90-х годов, когда республика являлась наиболее активным лоббистом передачи полномочий на региональный уровень, разыгрывая национальную карту; продолжающаяся активность националистических организаций.

Одной из самых опасных тенденций является распространение в Татарстане идеологии исламского фундаментализма и связанный с этим рост преступлений экстремистской направленности. Миролюбивый «европеизированный» ислам в Татарстане постепенно становится принадлежностью среднего и старшего поколения, а молодежь зачастую исповедует агрессивный ваххабизм и другие радикальные течения. На данном этапе, по мнению наблюдателей, региональные власти и силовики справляются с угрозами, исходящими от экстремистского подполья, поэтому ситуация в Татарстане не сравнима с дагестанской. Однако при сохранении тренда на исламизацию республики этноконфессиональное согласие может оказаться под угрозой.

Еще одним дестабилизирующим фактором остаются татаро-башкирские противоречия. Представители башкирского национального движения предъявляют претензии на восток Татарстана, объявляя местных татар башкирами. В свою очередь татарская община Башкирии настаивает на проведении референдума по вопросу присоединения районов компактного проживания татар к РТ. Надо заметить, что эти споры протекают в основном в общественно-политической сфере и носят во многом демонстративный характер.

Отношения между двумя доминирующими в численном отношении этническими группами региона – русскими и татарами – не вызывает серьезных опасений. Объективным подтверждением отсутствия каких-либо значимых противоречий является отмеченный экспертами рост численности русского населения Татарстана (на фоне продолжающегося оттока русского населения из ряда национальных республик). Наблюдатели подчеркивают, что в некоторых межэтнических конфликтах русские и татары выступали совместно против приезжих из Средней Азии и с Кавказа. По мнению ряда экспертов, коренное население опасается увеличения числа мигрантов, причем представители Кавказа стереотипно рассматриваются как источник насилия, обладающий значительными финансовыми средствами и связями в органах власти. Представители Средней Азии рассматриваются как конкуренты на рынке низкоквалифицированной рабочей силы.

В целом за последние полгода уровень межэтнической напряженности в Татарстане несколько снизился: уменьшилось число конфликтов, сопряженных с насилием, и массовых акций с этническим подтекстом при сохранении на прежнем уровне количества выявлен-

ных случаев онлайн-экстремизма и манифестаций ксенофобии в публичном дискурсе. Среди привлеченных к ответственности за размещение в интернете экстремистских материалов много взрослых людей в возрасте 28–35 лет, что свидетельствует об устойчивости националистических настроений в республике. Относительно небольшую активность проявляют татарские националистические организации, которые в последние полгода напоминали о себе в публичном пространстве лишь эпизодическими мероприятиями по пропаганде татарского языка.

Языковой вопрос остается основным противоречием в русско-татарских отношениях. Такие движения, как «Общество русской культуры Татарстана» и «Русское собрание» отстаивают право русских школьников на добровольное (а не обязательное, как сейчас) изучение татарского языка.

Активизацию татарского национализма прогнозируют в случае ухудшения экономической ситуации с стране. Дальнейшая стагнация и тем более кризис могут спровоцировать требования перераспределения налоговых поступлений в пользу Татарстана (сейчас в республике остается около четверти доходов). Эта идея уже пропагандируется национальным движением, но пока она выглядит маргинальной.

В целом межэтническая ситуация в республике характеризуется как умеренно напряженная. Несмотря на разрядку, обусловленную консолидацией российского общества на фоне возвращения Крыма, поддержки Новороссии и санкционного давления, для Татарстана остаются актуальными такие негативные факторы, как экспансия радикального ислама, высокий уровень миграции и онлайн-экстремизм. Руководство республики, признавая проблему радикализации общества, не склонно к открытой дискуссии, предпочитая ситуативно реагировать на вызовы. Не можем не отметить, что именно в Татарстане у наших экспертов возникли проблемы с чиновниками после выхода первого рейтинга межэтнической напряженности. Попытки власти исключить общественность из межнационального диалога не позволяют сделать позитивный прогноз развития ситуации в республике.

Позиция региона в прошлом рейтинге: красная зона

Динамика: ситуация незначительно улучшилась

Основные проблемы: фактическая этнократия, этнолингвистический конфликт (протесты родителей русскоязычных школьников, вынужденных изучать татарский в ущерб русскому), «переписывание» истории под давлением татарских националистов, экспансия радикального ислама, религиозная вражда, татаро-башкирские противоречия, интернет-экстремизм

Санкт-Петербург

За последние полгода уровень межэтнической напряженности в Петербурге заметно понизился, что в значительной степени обусловлено влиянием общероссийских тенденций: консолидацией россиян на основе поддержки Новороссии, экстраполяцией безобразных проявлений украинского национализма на российскую почву, переключением внимания СМИ и общественности на внешнеполитическую проблематику.

В Петербурге резко сократилось количество проявлений межнациональной напряженности, особенно связанных с нанесением тяжелых увечий и носящих массовый характер. Большинство зарегистрированных случаев носят явно маргинальный характер и не сопряжены с насилием. За последние шесть месяцев не фиксировались нападения на трудовых мигрантов, не проводились «народные сходы» и иные акции публичного протеста, поводом к которым стали бы совершенные приезжими преступления.

Как отмечают эксперты, националистические организации Петербурга в последнее время в основном проводят «дежурные» мероприятия, напоминая о себе требованиями борьбы с нелегальной миграцией и другими заявлениями.

Вместе с тем причины напряженности никуда не исчезли, более того, появляются новые: например, проникновение и распространение в Северной столице исламского фундаментализма. В частности, активность проявляет террористическая организация «Хизб ут-Тахрир». Впрочем, основным раздражающим фактором, как и ранее, является внешняя и внутренняя миграция. И хотя за период с апреля до конца сентября в Петербурге произошло меньше резонансных событий, связанных с межэтнической проблематикой, чем в предыдущее полугодие, в СМИ все-таки появилось несколько материалов, где описываются конфликты, побудительным мотивом которых послужила ксенофобия. Можно уверенно прогнозировать рост числа проявлений межэтнической напряженности по мере урегулирования украинского кризиса.

Конфликтогенным фактором также является формальный, бюрократический подход властей Петербурга к решению межнациональных проблем. По словам наблюдателей, ответственные чиновники, расходующие бюджетные средства в целях укрепления общественного согласия, очень слабо взаимодействуют как с мигрантами, так и с организациями русских националистов.

В целом этноконфессиональную ситуацию в Петербурге можно охарактеризовать как временную ремиссию: под влиянием украинского кризиса произошла разрядка, однако конфликтный потенциал неуклонно нарастает и при изменении условий (перенос внимания общества на внутриполитические проблемы, экономические трудности) способен значительно дестабилизировать обстановку. Оснований для снижения межэтнической напряженности нет.

Позиция региона в прошлом рейтинге: красная зона

Динамика: ситуация незначительно улучшилась

Основные проблемы: нелегальная миграция, этническая преступность, экспансия радикального ислама, геттоизация Петербурга, системное этническое противостояние, активность радикальных молодежных группировок, как русских, так и кавказских, этнизация политики

Саратовская область

В Саратовской области сохраняется напряженная ситуация. Несмотря на снижение количества случаев, эксплицирующих межэтническую напряженность, качественного изменения ситуации за последние шесть месяцев не произошло: около половины зарегистрированных столкновений можно отнести к группе наиболее массовых и интенсивных. Очаги напряженности находятся в региональном центре и нескольких крупных городах области. Основной тип конфликта в регионе – не между местными жителями, принадлежащими к разным этническим группам (русские, татары, мордва, чуваши), а между местными жителями и приезжими с Северного Кавказа.

Как отмечают наблюдатели, выходцы из Чечни и Дагестана контролируют в области некоторые прибыльные сферы экономической деятельности: рынки, точки общепита, а также «крышуют» бизнес. Чаще всего это связано с криминалом и вызывает негативную реакцию местного населения. Также обращают внимание на слабые социально-экономические показатели региона, недостаточно высокий уровень жизни, что косвенно способствует обострению межэтнических противоречий.

При этом обе стороны – местные и приезжие – демонстрируют тенденцию к консолидации, когда локальное и чаще всего случайное столкновение приводит к конфликту с участием организованных групп людей (диаспор, стихийных объединений местных жителей). Вместе с тем националистические организации маргинализованы и за последние полгода какой-либо значительной активности не проявляли. Столкновения в регионе редко оканчиваются серьезными травмами или гибелью людей, однако устойчивый тренд на применение силы для разрешения конфликтов очевиден и вызывает тревогу.

Одним из резонансных проявлений межэтнической напряженности стали события в поселке Красный Кут, где после потасовки между русскими и кавказскими молодыми людьми в одном из кафе и последовавшей массовой драки собрался народный сход с требованием принять меры против «терроризирующих» местных жителей кавказцев. Вполне возможно, что участники схода выбрали этот способ разрешения конфликта под влиянием пугачевских событий.

Отметим, межэтнические проблемы в регионе отличаются системным характером, на что указывает определенная периодичность массовых драк и других столкновений. Обращает внимание, что при беспорядках или акциях протеста, проводимых после таких

конфликтов, звучат не только лозунги этнического характера, но часто высказываются претензии к власти за пассивность и невнимание к застарелым проблемам (коррупция, нарушения правил ведения бизнеса и т.п.). Стоит отметить, что после пугачевских событий чиновники стараются на подобные происшествия реагировать оперативно.

В то же время органы региональной власти демонстрируют в основном реактивное поведение, в области отсутствует стратегический, комплексный подход к решению проблем, связанных с межэтнической напряженностью. Отдельные инициативы, направленные на укрепление межнационального согласия, ожидаемого эффекта не дают. Примером не вполне удачного решения эксперты называют так называемую национальную деревню в Саратове. Подчеркивая этнокультурное разнообразие региона, этот музей никак не решает проблем взаимоотношений этносов. В целом оснований для улучшения ситуации как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе нет, в то же время сохраняется существенный конфликтный потенциал, способный в определенных условиях значительно обострить обстановку.

Позиция региона в прошлом рейтинге: оранжевая зона

Динамика: ситуация не улучшается

Основные проблемы: системное этническое противостояние, деятельность кавказских ОПГ, борьба диаспор между собой, уличная активность русских националистов, готовность населения к этнически мотивированным массовым протестам

Ставропольский край

Ставропольский край в СКФО стоит особняком, будучи единственным в федеральном округе преимущественно русским регионом. Не менее значимы конфессиональные отличия Ставрополья от мусульманских республик Северного Кавказа (за исключением Северной Осетии). Эта специфика, а также географическое положение края, как бы отделяющего Кавказ от остальной России, обусловили стабильно высокий уровень межэтнической и межконфессиональной напряженности.

Вместе с тем следует отметить, что в рассматриваемый период количество проявлений конфликтности на Ставрополье, а также их интенсивность несколько уменьшились по сравнению с предыдущим полугодием: преобладают враждебные этнически мотивированные заявления, а также случаи молодежного онлайн-экстремизма. Однако можно говорить лишь о том, что напряженность перешла из эксплицитной фазы в фазу латентности. Не решены ключевые проблемы региона, связанные с вытеснением местного русского населения пришлым кавказским, низким уровнем толерантности, бесконтрольной миграцией. Вряд ли способны изменить ситуацию к лучшему озвученные представителями региональной власти планы замещения покидающих край русских (факт, который не так давно

отрицался в принципе) беженцами с Украины и переселенцами из других стран. Само по себе это намерение говорит о неготовности или нежелании чиновников остановить отток коренного населения, а с учетом конфликтогенного потенциала переселения беженцев и коррупционного фактора можно прогнозировать сохранение на Ставрополье негативного статус-кво в сфере межэтнических отношений.

Ставропольский край получил почти исключительно алармистские оценки экспертов. «Доминанта межэтнической ситуации на Северном Кавказе – это связка Дагестан – Ставрополье. Там я бы оценил межэтническую напряженность как высочайшую среди других регионов». «Там не только межэтнические конфликты, но и межконфессиональные очень серьезные. Множество конфликтов, связанных с землепользованием, которые привели даже к убийству местных жителей. Второе – это конфликт, связанный с ношением хиджабов на территории Ставрополья. Как вы понимаете, конфессиональный конфликт тут же переходит в межэтнический, тут же выясняется, кто является лоббистом ношения хиджабов (например, в школах) и почему идет такой мощный отток жителей Ставрополья из их родного края. Можно перечислять и перечислять». «Дагестанские бизнесмены, которые имеют финансовые возможности, производят масштабную экспансию в Ставрополье, что вызывает ненависть и агрессивные настроения со стороны местного населения, которое, в общем-то, не имеет таких финансовых возможностей, что только углубляет межэтнический конфликт. Конфликты в Ставрополье и Дагестане будут иметь широкий резонанс далеко за пределами Северного Кавказа». Об остроте этноконфессиональной ситуации в крае говорит, помимо прочего, и тот факт, что опрошенные составителями данного рейтинга эксперты просили не называть их имен.

Ради справедливости надо заметить, что некоторые наблюдатели не видят в происходящем на Ставрополье ничего экстраординарного, объясняя конфликты подрывной деятельностью внешних сил, высокой миграцией, близостью к менее благополучным республикам Северного Кавказа. Однако пресловутая бедность северокавказских регионов – спорный факт, особенно если сравнивать эти территории с депрессивными областями Центральной России.

Едва ли не большее значение, чем разница в уровне экономического развития, имеют культурные отличия Ставрополья от собственно Кавказа. Мощная кавказская экспансия неизбежно ведет к вторжению и последующему укоренению уклада, чуждого русскоязычному населению края. Как отметил один из местных экспертов, «если вы на машине проедетесь по Северному Кавказу, например, из Махачкалы на запад, в Краснодар или Сочи, то вы увидите, что территория Дагестана не ограничивается границей Дагестана. Вы уже проехали границу Дагестана, вы уже едете по Ставропольскому краю, но еще какую-нибудь сотню километров на заправочных станциях, которые вам будут попадаться, обязательно будут молельные комнаты. Вот пока вы видите на заправках молельные комнаты, вы фактически еще в Дагестане. Как только молельные комнаты закончились, значит, вы уже въехали социокультурно в Ставропольский край». Таким образом, фундаментальной причиной межэтнической и межконфессиональной напряженности в регионе является социокультурный конфликт. Он усугубляется транзитным положением Ставрополья, через

которое пассионарная кавказская молодежь устремляется в поисках лучшей жизни в Москву и Петербург. Отдельно стоит отметить Минеральные Воды и другие ставропольские курорты – сюда в большом количестве «на отдых» приезжают жители Чечни, Дагестана и других республик, зачастую с оружием, что еще больше обостряет и без того непростую ситуацию.

В связи с существованием реальной угрозы дестабилизации из-за появления кандидатов, готовых разыграть национальную карту в политических целях, региональная власть предприняла усилия по недопущению таких кандидатов до выборов, а также по усилению контроля за сферой межэтнических отношений.

Впрочем, даже усиленный контроль региональных властей не помешал выйти на федеральный уровень одной из застарелых проблем, связанной со строительством мечети в Пятигорске. После того как в мае муфтий Ставрополья Мухаммад Рахимов обратился с открытым письмом к президенту Владимиру Путину, краевые власти поспешили уладить конфликт. В этом письме муфтий пообещал, что снос уже построенной мечети в Пятигорске вызовет массовое недовольство мусульман и многотысячные митинги. В итоге духовное управление мусульман Ставрополья все-таки получило разрешение на строительство мечети в одном из малонаселенных районов за пределами Пятигорска.

Следует добавить, что после того, как стало известно о планах строительства мечети около села Винсады Предгорного района Ставропольского края, жители этого населенного пункта выступили с протестом. Однако когда им пояснили, что мечеть будет построена в 25 километрах от села, инцидент также был исчерпан.

В целом ситуация на Ставрополье остается стабильно напряженной. На некоторое падение уровня межэтнической конфликтности в крае (в результате чего регион из «красной» зоны переместился в «оранжевую») повлияла политическая атмосфера в стране и регионе. Помимо общего тренда, проявившегося в переключении внимания общественности с внутрироссийской на украинскую и внешнеполитическую повестку, свою роль сыграли и проходившие в этот период выборы главы региона. Несмотря на разрядку, оснований для качественного улучшения ситуации нет. Более того, народное возмущение, вызванное жестоким убийством Анатолия Ларионова, в случае непроведения местной властью «работы над ошибками», способно значительно дестабилизировать обстановку и тем самым вернуть регион в «красную» зону.

Позиция региона в прошлом рейтинге: красная зона

Динамика: ситуация незначительно улучшилась

Основные проблемы: мощный миграционный приток из республик Северного Кавказа, вытеснение русского населения с востока Ставрополья, социокультурный конфликт, элементы религиозной вражды, этническое противостояние, неэффективность казачества как стабилизирующего фактора

Челябинская область

Межэтническая напряженность в Челябинской области носит преимущественно демонстративный характер: рост числа ее проявлений в целом увеличивается за счет случаев, связанных с пропагандой ксенофобии и нацистской идеологии в интернете и на улицах областного центра. В рассматриваемый период более чем в два раза выросло число зарегистрированных случаев онлайн-экстремизма и вандализма с националистическим подтекстом. Как правило, субъектами подобных преступлений являются молодые люди 17–24 лет, а объектами – выходцы из Средней Азии и республик СКФО.

Некоторая часть фиксируемых преступлений на почве ксенофобии носит насильственный характер. Зарегистрирован случай организации националистической группировки, члены которой устраивали нападения на лиц неславянской внешности и оскорбляли ветеранов. Это, наряду с онлайн-экстремизмом и регулярным нанесением свастик на здания и заборы, свидетельствует о распространении идеологии неонацизма среди молодежи. Очевидно, что национальная политика местной власти, заключающаяся в организации различных площадок для диалога народов Урала, проведении научно-практических конференций и культурных мероприятий, а также сотрудничестве с местными мусульманскими организациями, недостаточно эффективна и нуждается в пересмотре с переносом фокуса внимания на работу с молодежью. При этом усилия чиновников должны носить не реактивный, а профилактический характер. Как отмечают местные эксперты, у руководства региона есть понимание остроты проблемы, но механизмов организации эффективного межнационального диалога до сих пор не создано, население из этого процесса исключено.
С другой стороны, в последнее время отмечается резкий спад массовой протестной активности националистов: местные «русские» организации, традиционно реагирующие на события общефедеральной повестки, за прошедшие шесть месяцев не организовали ни одной акции ни в одном из крупных городов Челябинской области (и даже не поддержали всероссийскую инициативу «Русский Первомай»). При этом фиксируется проникновение в регион радикальных исламистов, чья деятельность уже стала дестабилизирующим фактором в ряде соседних областей.

В целом на фоне стабильного роста миграционных потоков (как легальных, так и нелегальных), а также при сохранении негативных тенденций в сфере межнациональных отношений и существующего порядка работы органов местной власти снижение межэтнической напряженности в Челябинской области маловероятно.

Позиция региона в прошлом рейтинге: оранжевая зона

Динамика: ситуация не улучшается

Основные проблемы: высокий уровень трудовой миграции, в т.ч. транзитной, вытеснение китайцами-нелегалами местных сельхозпроизводителей, распространение идеологии неонацизма среди молодежи, интернет-экстремизм, неэффективная национальная политика региональной власти

Средняя напряженность

Регион со средней степенью межэтнической напряженности. Угроза массовых столкновений низка, однако единичные случаи насилия на почве национальной вражды имеют серьезный резонанс и провоцируют массовые ненасильственные выступления. В интернете активно эксплуатируется национальный вопрос. Общий прогноз: регион может как вернуться в зону стабильности, так и перейти в зону повышенного риска.

Астраханская область

Астраханская область, изначально многонациональная, остается также одним из ключевых перевалочных пунктов для мигрантов из кавказского региона. Ситуация усугубляется тем, что область фактически «зажата» между двумя сложными регионами – Северным Кавказом и Средней Азией. Основным дестабилизирующим фактором является деятельность радикальных исламистов, которых астраханские силовики неоднократно задерживали, подозревая в организации вооруженных формирований и вербовке боевиков. Проникновение деструктивных идеологий в регион отмечается на протяжении нескольких лет, что говорит о недостаточной эффективности противодействия этой угрозе со стороны как местной власти, так и ответственных федеральных ведомств.

Укоренение радикального ислама в перспективе способно значительно осложнить межэтническую ситуацию в Астраханской области, однако на данном этапе напряженность на бытовом уровне провоцируется в первую очередь активной внутренней миграцией из Дагестана. Аварцы, даргинцы, лезгины, кумыки, ногайцы, лакцы и другие дагестанские этносы уже сейчас составляют почти десятую часть полумиллионного населения Астрахани, и доля приезжих постоянно растет. Как отмечают местные наблюдатели, выходцы из Дагестана нередко относятся к различным направлениям ислама, тем не менее, они хорошо сплочены, стремятся разместиться компактно, быстро занимают торговые и предпринимательские ниши. Молодежь высоко оценивает возможность обучаться в Астрахани, но зачастую отличается ненормативным поведением. Девиантность представителей дагестанских этносов (свободных от строгих норм малой родины) отмечают как правоохранители, так и местное население.
Как и в других южных регионах, в Астраханской области периодически возникают конфликты из-за пастбищ, связанные с незаконным выпасом скота некоторыми чабанами на

землях, принадлежащих астраханским фермерам. Такие хозяйственные споры почти всегда носят локальный характер.
Сложившейся практикой в регионе является сезонная миграция сельскохозяйственных рабочих из Средней Азии. Само по себе присутствие гастарбайтеров в значительном количестве является фактором межэтнической напряженности, однако в Астраханской области она обусловлена еще и значительным наркотрафиком, в котором мигранты используются в качестве курьеров.
Отдельно стоит отметить поток беженцев с востока Украины, размещаемых в том числе в Астраханской области. Данная категория приезжих как таковая не вызывает отторжения у местного населения, поскольку русские и русскоязычные из Донецкой и Луганской областей в этнокультурном отношении почти неотличимы от жителей Астрахани. Тем не менее, в связи с большим количеством беженцев в июле в Астраханской области было введено чрезвычайное положение. Местные жители в социальных сетях выражали опасения, что под видом вынужденных переселенцев в регион приедут украинские радикальные националисты.
В целом активность в соцсетях приобретает все большее значение в качестве фактора межэтнической напряженности. В Астраханской области эксперты обращают внимание на так называемый интернет-шовинизм, то есть на утверждение превосходства одних этносов над другими, основанное на исторических мифах, подтасовке фактов и опирающееся на безграмотность пользователей. Не единичны попытки представить свой народ как главный, сыскать ему престижное прошлое и давнюю обиду, нанесенную Российской империей или СССР, противопоставить разные этносы, подтолкнуть соплеменников к неприязни и борьбе. В частности, среди ногайцев необоснованно муссируются события восстания и последовавшего «геноцида» 1783 г., крайне негативно оценивается деятельность Екатерины II и Суворова.
Что касается национальной политики региональной власти, то она, по мнению большинства экспертов, не является активной и превентивной, а опирается в основном на «багаж стабильности». В регионе проходит большое количество этномероприятий, которые не очень эффективны в отношении актуальных угроз, однако полезны с точки зрения профилактики напряженности, а также презентации культурного многообразия региона.
В целом в рассматриваемый период в Астраханской области наблюдалось снижение уровня межэтнической напряженности. Мониторинг показал сокращение числа конфликтов всех категорий, в первую очередь количества массовых акций протеста. Возможно, это связано с низкой активностью астраханского отделения ЭПО «Русские», которое ранее неоднократно проводило публичные акции, связанные с событиями как федеральной, так и региональной повестки дня.

Позиция региона в прошлом рейтинге: оранжевая зона

Динамика: ситуация постепенно улучшается

Основные проблемы: значительный приток выходцев из Дагестана, среднеазиатская сезонная миграция, проникновение радикального ислама, эксплуатация темы «геноцида ногайцев», интернет-ксенофобия

Волгоградская область

В силу географического положения Волгоградская область, наряду с Астраханской, является транзитным пунктом для внутренних мигрантов с Северного Кавказа. В регионе также оседают многочисленные выходцы с российского Кавказа и Закавказья, из Средней Азии. В Волгограде заметную роль играют чеченская, азербайджанская, армянская общины.

В последние годы миграция в регионе, как и в целом в РФ, приобрела плохо контролируемый характер. Обладая значительными финансовыми ресурсами и высокой сплоченностью, диаспоры постепенно вытесняют местное население из наиболее привлекательных сфер бизнеса. Еще более конфликтогенной является активность этнических преступных сообществ.

Однако главную роль в усилении ксенофобии и взаимной подозрительности сыграла серия прошлогодних терактов. Наблюдатели отмечают, что после резонансных преступлений отношение местных жителей к выходцам из Дагестана резко ухудшилось. В течение рассматриваемого в данном рейтинге периода оно не стало лучше. Повышенную подозрительность к уроженцам Северного Кавказа проявляют и многие сотрудники полиции. По мнению некоторых правозащитников, это выражается в «беспричинных задержаниях» и других «придирках».

Среди самих кавказцев популярна фантастическая версия, что волгоградские теракты «совершили силовики, чтобы найти виновных в Дагестане и выбить большее финансирование для ведения контртеррористической операции». Полярность и резкость оценок свидетельствуют о сохраняющейся атмосфере межэтнического недоверия в регионе, которое усугубляется опасениями по поводу возможных новых терактов. Назначение Кремлем врио губернатора Волгоградской области бывшего десантника, Героя России Андрея Бочарова (14 сентября избранного на пост главы региона) можно рассматривать как желание федеральной власти усилить антитеррористическую борьбу и не допустить новых терактов, равно как и обострения этноконфессиональной ситуации. В том, что уровень террористической угрозы напрямую влияет на уровень ксенофобии, сомнений быть не может. Достаточно напомнить, что в конце декабря прошлого года, сразу после предновогодних терактов, полиция разогнала в Волгограде народный сход (до 200 человек), в котором, по свидетельствам очевидцев, участвовали националисты.

Резюмируя, следует отметить, что в результате усилий властей по стабилизации ситуации уровень межэтнической напряженности в Волгоградской области находится на среднем уровне. В рассматриваемый период в регионе отмечено сравнительно малое число конфликтов на национальной почве, однако сохраняющийся конфликтный потенциал не позволяет исключить негативный сценарий. В области фиксируется деятельность радикальных исламских активистов, сохраняется определенная угроза терактов. В целом ситуацию в регионе можно охарактеризовать как условно стабильную.

Позиция региона в прошлом рейтинге: желтая зона

Динамика: ситуация относительно стабильна

Основные проблемы: высокий уровень кавказской миграции, в т.ч. транзитной, этническая преступность, экспансия радикального ислама, этнизация террористической угрозы

Костромская область

Демографические проблемы в Костромской области называют одним из препятствий экономического роста: последние пять лет в регионе наблюдается отрицательное миграционное сальдо, смертность превышает рождаемость, почти каждый четвертый житель – пенсионер. Попытки привлечь население из других регионов страны оказались недостаточно эффективными, в то же время наибольший миграционный прирост демонстрируют общины выходцев из стран Средней Азии. На фоне роста потребности в рабочих руках в Костромской области замещающая трудовая миграция видится властям оптимальным решением, но способна вызвать рост межэтнической напряженности. Летом 2014г. в регионе впервые было зарегистрировано преступление в сфере незаконной легализации мигрантов. Проникновение на территорию небольшой и сравнительно малонаселенной области большого числа гастарбайтеров, в том числе и нелегальных, может привести к восприятию миграции как лавинообразного процесса и вылиться в межнациональные столкновения. В области наблюдается заметный рост числа проявлений межэтнической напряженности (в сравнении с прошлым полугодием – в три раза). Несмотря на сравнительно низкую интенсивность большинства зарегистрированных конфликтов (онлайн-экстремизм, ненасильственные массовые акции), в регионе отмечен случай этнически мотивированного насилия в отношении приезжих. С одной стороны, такая динамика может объясняться интенсификацией работы органов правопорядка, но может и свидетельствовать о наличии в регионе латентной напряженности, которая начинает актуализироваться, пока в основном в форме интернет-ксенофобии. Большинство привлеченных к ответственности – молодые люди не старше 25 лет, разместившие в социальной сети аудио- и видеоролики, внесенные в федеральный список экстремистских материалов (как правило, это признанные экстремистскими композиции известной группы «Коловрат»). При этом в отношении правонарушителей применяют сравнительно мягкое наказание – небольшой штраф по ст. 20.29, 20.3 КоАП.

Таким образом, в рассматриваемый период уровень межэтнической напряженности в Костромской области был ниже среднего, однако наличие тревожных тенденций мешает сделать оптимистичный прогноз. Несмотря на наличие объективных причин для массового притока в регион гастарбайтеров, развитие ситуации в сфере межэтнических отношений целиком зависит от эффективности работы местной власти.

Позиция региона в прошлом рейтинге: синяя зона

Динамика: ситуация ухудшается

Основные проблемы: интернет-экстремизм, рост ксенофобных настроений среди молодежи, миграция на фоне демографического кризиса

Московская область

В Московской области в рассматриваемый период произошло резкое сокращение числа проявлений межэтнической напряженности. Прежде всего это связано с прекращением акций «Белый вагон» (избиения в пригородных электропоездах лиц неславянской внешности группами радикальной молодежи). Вместе с тем в регионе сохраняется значительный конфликтный потенциал: регулярно проводятся задержания преступников, состоящих в этнических ОПГ и экстремистских организациях, происходят акты межконфессиональной вражды. Одной из основных причин консервации негативной обстановки в регионе является близость к столице, которая привлекает множество мигрантов и лиц, занимающихся преступной деятельностью. Кроме того, в регионе осуществляется масштабная программа по переселению граждан из ветхого жилья, что обусловливает увеличение числа строителей-гастарбайтеров.

Характерной чертой многих конфликтов в Московской области является их идентичность конфликтам в Москве. В то же время напряженность в Подмосковье часто носит латентный или малозаметный характер. Если в Москве межэтнические (или трактуемые в качестве межэтнических) конфликты быстро приобретают широкую известность и резонанс, то для области это характерно в меньшей степени.

Фиксируемые в Подмосковье конфликты становятся более разнообразными, возникая не только в традиционной форме (между местными жителями и приезжими из Средней Азии или с Кавказа), но и между приезжими и местными из одних этнических групп, а также между приезжими из разных этнических групп.

В частности, наблюдатели указывают на случившиеся в последние полгода столкновения между мигрантами из Таджикистана и Узбекистана, по каким-то причинам не попавшие в ленты новостей и не вызвавшие резонанса в социальных сетях. В Звенигороде в этот же период конфликт таджиков-гастарбайтеров с местной молодежью закончился поножовщиной и стихийным протестом жителей города, также не получившим широкого освещения. В области, как и в Москве, сохраняется тренд на создании инфраструктуры для приезжих-мусульман: специфических банков, клиник, сегрегированных мест досуга, в частности кафе с вывеской «Халяль».

Так как столица остается абсолютным финансовым и экономическим центром, а стоимость жилья и размеры арендной платы становятся для многих приезжих неприемлемыми (вкупе с усилением борьбы с так называемыми «резиновыми квартирами»), то границы условного Ближнего Подмосковья все сильнее расширяются: приезжие приобретают или снимают жилье во все большем числе населенных пунктов Московской области. Снизить напряженность, по мнению экспертов, можно лишь созданием условий для работы в других регионах, что позволит перенаправить и диверсифицировать миграционные потоки. Существует мнение, что подготовка к чемпионату мира по футболу в какой-то степени разрядит ситуацию. Строительство новых стадионов в регионах потребует привлечения дополнительной рабочей силы, что отчасти освободит Москву и Московскую область от

трудовых мигрантов.
Снижение межэтнической напряженности в Подмосковье и в России в целом наблюдается уже сейчас, но связано это явление с событиями на Украине и негативной реакцией российских граждан на радикальный украинский национализм, а также с временной консолидацией нации перед лицом «внешней угрозы». После прекращения украинского кризиса или его перехода в латентную фазу можно прогнозировать увеличение числа конфликтов. Практика показывает, что исключительно силовыми методами бороться с ними бессмысленно, а изменение общей ситуации требует фундаментальных решений на федеральном уровне. Поскольку в основе напряженности лежат объективные причины, то можно говорить о малой эффективности мер, предпринимаемых региональными властями, и Подмосковье здесь не исключение.

В целом ситуацию в регионе можно охарактеризовать как условно стабильную. Несмотря на временную разрядку, для качественного изменения ситуации в сторону снижении межэтнической напряженности достаточных оснований нет.

Позиция региона в прошлом рейтинге: оранжевая зона

Динамика: ситуация незначительно улучшилась

Основные проблемы: нелегальная миграция, этническая преступность, активность молодежных праворадикальных группировок

Новосибирская область

Уровень межэтнической напряженности в Новосибирской области остается на среднем уровне. Несмотря на сокращение числа проявлений вражды практически всех категорий в сравнении с прошлым отчетным периодом, качественного изменения ситуации не наблюдается. Большинство конфликтных ситуаций связано с онлайн-экстремизмом, направленным против азиатов и кавказцев. Как правило, ксенофобный контент размещают жители областного центра в возрасте от 18 до 27 лет. Достаточно сильно выражен так называемый бытовой национализм, который проявляется в переносе националистических взглядов и предрассудков на уровень обыденных отношений между людьми разных национальностей.

В то же время на территории области представлено большинство известных российских националистических организаций и движений («Другая Россия», НДП, «Реструкт» и др.), которые пользуются существенной поддержкой населения, особенно молодежи. Для новосибирских активистов характерен (даже в большей степени, чем для националистов в Москве) раскол по вопросу украинского кризиса.
В регионе сохраняется сложная демографическая ситуация: в 2012 г., впервые за постсоветский период, уровень рождаемости незначительно превысил уровень смертности, однако население области увеличивается по-прежнему за счет, в первую очередь, мигра-

ционного прироста. При этом происходит отток квалифицированных рабочих кадров в Москву и экономически развитые регионы ЮФО и СЗФО, который компенсируется за счет притока мигрантов из Средней Азии, Закавказья и российских регионов с более низким уровнем социально-экономического развития (ряд регионов СФО и ДФО). В то же время рост экономики Новосибирской области опережает среднероссийские показатели, что требует еще большей интенсификации миграционных процессов. С учетом того что в области лишь четыре процента населения не имеют работы, мощный приток гастарбайтеров способен стать дестабилизирующим фактором.

В целом ситуация в регионе остается условно стабильной, ее качественного изменения в сторону улучшения не предвидится.

Позиция региона в прошлом рейтинге: желтая зона

Динамика: ситуация относительно стабильна

Основные проблемы: высокий уровень миграции на фоне проблемной демографии, политизация этничности, активность националистических организаций, интернет-ксенофобия

Приморский край

Приморский край – наиболее динамично развивающийся регион в Дальневосточном федеральном округе. По мнению экспертов, по этническому составу Приморье является самым сложным субъектом в ДФО: исторически сложившийся характер колониального заселения, относительно благоприятный климат, близость моря – все это обусловило расселение на этой территории людей, принадлежащих к разным этническим группам. В последние годы масштабное строительство в рамках реализуемых в крае инфраструктурных проектов обусловило высокий уровень трудовой иммиграции. Напряженность, связанная с интенсивным притоком гастарбайтеров, усугубляется их компактным расселением. В целом Дальний Восток является относительно спокойным регионом, однако в случае дестабилизации ситуации именно Приморский край, по мнению экспертов, станет «детонатором».

Среди проблем в сфере межэтнических отношений можно выделить связанные с миграцией контрабанду и наркотрафик, отсутствие достоверной статистики о количестве иностранных граждан в регионе, отсутствие специальных исследований межнациональных отношений, невысокое внимание местной власти к данной сфере (ситуативное, а не превентивное управление). По мнению некоторых экспертов, самый серьезный фактор напряженности в Приморье – это отсутствие внятной миграционной политики: «Власть предпочитает лишний раз эту тему не поднимать».

Серьезных проблем с коренными народами нет по причине, во-первых, их компактного

удаленного проживания, во-вторых, их малочисленности. Редкие конфликтные ситуации, в которых участвовали представители коренных малочисленных народов, никак не связаны с межэтническими противоречиями и являются по сути экологическими или экономическими конфликтами. Последние могут быть спровоцированы решениями федеральной власти, не учитывающей районы традиционных промыслов коренных народов.

Регион в силу географической удаленности сдержанно воспринимает происходящее в европейской части страны, поэтому никаких конфликтов, связанных с украинским кризисом, в крае не наблюдается. Проблема Северного Кавказа здесь также неактуальна. Каких-либо устойчивых националистических группировок в настоящее время в регионе, по мнению экспертов, нет, основные ксенофобные действия – это граффити и ролики в интернете, и даже ситуация с «приморскими партизанами» в межэтническом ключе местным населением не рассматривается.

В целом уровень межэтнической напряженности в Приморье невысокий, в рассматриваемый период проявления розни носили ненасильственный характер и фиксировались в основном в социальных сетях. В то же время высокий приток гастарбайтеров-иностранцев и отсутствие в регионе внятной миграционной политики создают значительный конфликтный потенциал. Ситуация условно стабильная, ее развитие во многом зависит от усилий краевых властей.

Позиция региона в прошлом рейтинге: зеленая зона

Динамика: ситуация ухудшается

Основные проблемы: плохо контролируемая трудовая миграция из Средней Азии и сопутствующий ей наркотрафик, отсутствие внятной миграционной политики местных властей, рост интернет-ксенофобии

Республика Башкортостан

Башкирия относится к числу национальных республик со сложным этническим составом. Уже это делает регион уязвимым перед зафиксированными, а также потенциально возможными проявлениями межэтнической напряженности. Башкирия, наряду с Татарстаном, традиционно упоминается экспертами как регион с наличием предпосылок к межнациональным и межконфессиональным конфликтам.

Значительным конфликтогенным потенциалом обладает проблема татаро-башкирских взаимоотношений. Татары, будучи третьим по численности – после русских и башкир – этносом республики, претендуют на расширение своих прав и периодически заявляют о притеснении башкирскими властями. Претензии татар основаны также на соседстве Башкирии с более сильным в политическом и экономическом плане Татарстаном и находят свое выражение в том числе в требовании референдума о присоединении татарских райо-

нов Башкирии к РТ. Стоит отметить, что некоторые представители Татарстана, напротив, заявляют о стремлении РБ присоединить часть татарских земель и объявить проживающих там людей башкирами.

Еще одна особенность Башкирии связана с конфессиональным составом – большинство верующих в регионе исповедует ислам. Это актуализирует угрозу распространения среди населения республики идеологии исламского фундаментализма. Пропаганде среди башкирских мусульман ваххабизма (салафии) и других радикальных течений ислама способствует значительная трудовая миграция, обусловленная привлекательностью Уфы как крупного экономического центра. По статистике, наиболее массово в Башкирию гастарбайтеры прибывают из Узбекистана, Азербайджана и Таджикистана. Рост количества мигрантов, часть из которых находится в республике нелегально, ухудшает криминогенную обстановку и является одним из факторов межэтнической напряженности, независимо от религиозной ситуации.

Тема межнациональных противоречий постоянно присутствует в публичном дискурсе. Вместе с тем в рассматриваемый период большинство зарегистрированных проявлений напряженности в Башкирии были ненасильственными. В целом ситуация носит условно стабильный характер, оснований для снижения уровня межэтнической напряженности нет. Усилия властей региона вкупе с работой правоохранительных органов пока позволяют не допустить широкого распространения радикального ислама и сохранить межэтническую напряженность в республике на прежнем уровне.

Позиция региона в прошлом рейтинге: желтая зона

Динамика: ситуация относительно стабильна

Основные проблемы: проникновение радикального ислама, значительный приток мигрантов, сепаратизм башкирских татар, острая дискуссия по вопросу обязательного изучения башкирского в школах

Республика Калмыкия

Калмыкия расположена между Дагестаном, Ставропольем, Ростовской, Волгоградской и Астраханской областями, отличаясь этнически и конфессионально от всех вышеперечисленных. Этой спецификой обусловлено наличие определенного конфликтного потенциала, который уже сейчас дает о себе знать, но может проявляться в гораздо большей степени. Регион упоминается экспертами как имеющий тлеющие межэтнические конфликты. Динамика напряженности в Калмыкии не вызывает оптимизма: если с сентября 2013 по март 2014 г. был зарегистрирован всего один случай межэтнической вражды, связанный с размещением ксенофобного контента в социальных сетях, то в последние шесть месяцев надо констатировать значительное увеличение числа проявлений межнациональной розни и рост их интенсивности. В структуре конфликтов можно выделить две основные

группы: онлайн-экстремизм и массовые драки с этническим подтекстом.
Случаи интернет-ксенофобии носят достаточно маргинальный характер (в частности, обращает на себя внимание тот факт, что фигурантами соответствующих уголовных дел становятся несовершеннолетние выходцы из районов области, которые размещают экстремистский контент в социальных сетях, не самых влиятельных с точки зрения создания резонанса в медиадискурсе).

В то же время столкновения с применением насилия были весьма ожесточенными и вызвали значительный общественный резонанс. Кроме того, в данных конфликтах принимали участие организованные группы молодежи, в том числе футбольные болельщики. Несмотря на соседство Калмыкии с Дагестаном и усилившееся демографическое давление из СКФО, которое, как правило, довольно сильно ощущается близлежащими субъектами РФ, большинство конфликтов в Калмыкии связано не с дагестано-калмыцкими, а с русско-калмыцкими противоречиями.

В последнее время значительную роль играют также конфликты на этнорелигиозной почве, что обусловлено как спецификой самой Калмыкии, так и ее соседством с мусульманским Дагестаном. Следует отметить, что большинство калмыков исповедуют буддизм, Калмыкия – единственный в европейской части России преимущественно буддийский регион. Смешение национального и религиозного вопроса является серьезным вызовом, и власти региона стараются адекватно на него ответить: так, в состав специальной комиссии по мониторингу и оперативному реагированию на проявления экстремизма включены не только представители правоохранительных и прочих профильных структур, но и представители религиозных объединений.

Наблюдатели отмечают, что резонансные конфликтные ситуации могут быть использованы для нагнетания межэтнической напряженности в Калмыкии, в том числе для отвлечения внимания общества от проблем социально-экономического развития республики. При этом эксперты сходятся во мнении, что политизация межэтнических столкновений является достаточно опасным явлением, независимо от ее целей, и легко может выйти из-под контроля.

В целом межэтническая напряженность в Калмыкии находится на среднем уровне, но за счет серьезного конфликтного потенциала может резко возрасти при дальнейшем нарастании межнациональных противоречий. В частности, дискриминационная политика властей региона в отношении представителей нетитульных народов способна вывести проблему этноконфессиональных конфликтов на первое место в публичном дискурсе.

Позиция региона в прошлом рейтинге: синяя зона

Динамика: ситуация ухудшается

Основные проблемы: конфликты на этнорелигиозной почве, этническое противостояние, активность радикальных молодежных групп, интернет-ксенофобия

Ростовская область

В Ростовской области происходит снижение числа интенсивных проявлений межэтнической напряженности, сопряженных с насилием, и одновременно рост количества выявленных преступлений в интернете. Большинство привлеченных к ответственности – молодые люди от 19 до 25 лет, разместившие в социальных сетях экстремистские материалы. Многие конфликты имеют прямое или косвенное отношение к межконфессиональной вражде, причем религиозную нетерпимость проявляют, как правило, приверженцы ислама.
Как отмечают эксперты, ситуация в значительной степени обусловлена общероссийскими и даже глобальными процессами: усилением религиозного фактора в политике, исламизацией, стремительным распространением, в том числе в немусульманских регионах России, радикальных течений ислама.

Этноконфессиональная ситуация в Ростовской области обусловлена также значительными миграционными потоками с Северного Кавказа и Закавказья, наличием крупных диаспор и этнических ОПГ. Значительную роль на Дону традиционно играет казачество, отношения которого с различными нацменьшинствами влияют на атмосферу в регионе. Одной из самых многочисленных диаспор в Ростовской области является армянская. По мнению наблюдателей, в последнее время в регионе стали заметны антиармянские настроения, во многом обусловленные экономической конкуренцией. В случае дальнейшего роста армянской общины возможно обострение межнациональной ситуации.

Поскольку регион граничит с Донбассом, он принял большинство беженцев. Вынужденные переселенцы с востока Украины в этнокультурном плане не отличаются от жителей Ростовской области и воспринимаются как соотечественники, в том числе на бытовом уровне. Однако, как подчеркивают эксперты, для не самого богатого региона беженцы в таком большом количестве неизбежно становятся обременительны. Рост социально-экономической напряженности способен стать косвенной причиной усиления межэтнической розни, которая может выражаться как в реактуализации старых конфликтов, так и в появлении новых конфликтов, в том числе с участием украинцев.

В целом ситуацию в Ростовской области можно охарактеризовать как условно стабильную. Ее развитие будет зависеть от того, какой из разнонаправленных трендов – рост онлайн-экстремизма на почве этнорелигиозной вражды или, напротив, консолидация многонационального населения на фоне украинских событий – возобладает в регионе. В значительной степени это зависит от усилий местной власти.

Позиция региона в прошлом рейтинге: оранжевая зона

Динамика: ситуация незначительно улучшилась

Основные проблемы: значительный миграционный приток с Северного Кавказа и Закавказья, активность этнических ОПГ, религиозная вражда, интернет-ксенофобия

Самарская область

Самарская область в рассматриваемый период продемонстрировала значительное снижение уровня межэтнической напряженности как в количественном, так и в качественном отношении. Мониторинг показал сокращение числа проявлений напряженности по всем категориям конфликтов, за исключением интернет-экстремизма, уровень которого остался прежним. В регионе не зарегистрировано ни одного происшествия, связанного с применением этнически мотивированного насилия или носящего массовый характер. Снижение уровня напряженности, вероятно, связано не только с доминированием в информационной повестке темы украинского кризиса и консолидацией общества, но и с действиями местной власти, которая весьма активно проводит культурные, спортивные и образовательные мероприятия по поддержанию межнационального согласия, обеспеченные достаточным финансированием.

Главными очагами межэтнической напряженности остаются крупные города: Самара и Тольятти. В структуре конфликтов можно выделить три основные группы: интернет-ксенофобия (размещение в социальных сетях материалов, разжигающих межнациональную рознь), вандализм (нанесение на стены зданий и ограждения нацистской символики), а также нарушения в экономической сфере (продажа экстремистских материалов, использование экстремистских символов в рекламе). В основном к ответственности привлекаются молодые люди до 25 лет, однако националистические настроения присутствуют и среди представителей других возрастных групп.

В целом в Самарской области можно отметить положительную динамику в сфере межнациональных отношений, однако более объективно оценить эффективность работы органов региональной власти и уровень межэтнической напряженности можно будет лишь по завершении конфликта на Украине. Ситуация оценивается как условно стабильная.

Позиция региона в прошлом рейтинге: оранжевая зона

Динамика: ситуация постепенно улучшается

Основные проблемы: значительный приток мигрантов из Средней Азии и с Кавказа, остающаяся на высоком уровне интернет-ксенофобия

Свердловская область

В Свердловской области сохраняется средний уровень межнациональной напряженности, однако по сравнению с предыдущим изучаемым периодом (осень 2013 – весна 2014) изменилась как структура ее проявлений, так и набор лежащих в ее основе конфликтогенных факторов.

Интернет-экстремизм остается распространенным явлением на фоне снижения общего

числа зарегистрированных конфликтов остальных категорий. В основном к ответственности привлекаются молодые пользователи социальных сетей (22–34 лет), которые размещают у себя на страницах материалы, разжигающие вражду в отношении выходцев с Кавказа и других представителей неславянских народов.

Кроме того, правоохранительные органы все чаще обнаруживают в мусульманских общинах экстремистскую литературу, что свидетельствует об экспансии в регион исламского фундаментализма, имеющего мощный конфликтогенный потенциал. Не являясь националистической идеологией, радикальный ислам, тем не менее, способен повысить градус межэтнического конфликта.

Проблема межнациональной напряженности признается на региональном уровне, однако меры, предпринимаемые властью, не способны до конца нейтрализовать влияние негативных факторов. Как отмечают местные эксперты, большинство этих мер носят бюрократический характер и в этой связи недостаточно эффективны.

Остроту межнациональных противоречий в какой-то степени смягчает благоприятная экономическая ситуация: темпы роста экономики и доходы населения в Свердловской области выше среднероссийских. Однако в случае замедления развития и тем более кризиса проблемы межэтнической и межконфессиональной розни будут немедленно актуализированы.

Таким образом, в рассматриваемый период ситуация оставалась условно стабильной. Наряду со снижением числа проявлений межэтнической напряженности в Свердловской области сохраняется значительный конфликтный потенциал, обусловленный высоким уровнем трудовой миграции и проникновением в регион радикального ислама.

Позиция региона в прошлом рейтинге: желтая зона

Динамика: ситуация относительно стабильна

Основные проблемы: нелегальная миграция, экспансия радикального ислама, остающийся на высоком уровне интернет-экстремизм

Приложение №1

Методология рейтинга

Авторы рейтинга с равным уважением относятся ко всем народам. Цель проекта – содействовать снижению межнациональной розни посредством анализа ее факторов. Составители рейтинга пользовались исключительно открытыми источниками самой разной политической направленности, и указание этнической и религиозной принадлежности участников конфликтов лишь заимствовано из данных источников. Приводя данные, мы всегда оставляем исключительно факты, не давая правовую оценку происходящему, т.к. для последнего есть компетентные органы.

Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России – совместный проект Центра изучения национальных конфликтов (ЦИНК) и федерального информационного агентства «Клуб Регионов». Данный проект – неполитический и некоммерческий, не финансируется политическими и общественными организациями.

Проект начал работу в 2013 г., носит прикладной характер и направлен на оценку межэтнической напряженности в каждом регионе, выявление и анализ факторов, ее вызывающих. Мы намерены не критиковать федеральную и региональную власть, а предложить результаты нашего анализа, чтобы помочь в формировании эффективной национальной политики.

География исследования – все российские регионы. Результаты проекта могут быть полезны как федеральным ведомствам (правительству, министерству по развитию Дальнего Востока, министерству по делам Крыма, министерству по делам Северного Кавказа, министерству внутренних дел, Росмолодежи и другим) – для сравнения ситуации в разных регионах и принятия соответствующих решений, так и региональным властям – для своевременного реагирования на назревающий или провоцируемый конфликт.
Также информация может представлять интерес для инвесторов (при анализе рисков), исследователей и представителей СМИ. Мы также планируем реализацию узконаправленных проектов по исследованию отдельных регионов либо по кроссрегиональному анализу некоторых факторов.

Задачи проекта:
1. Определить общие факторы повышения этнической напряженности.
2. Классифицировать регионы по уровню этноконфессиональной конфликтности.
3. В регионах с высоким уровнем межэтнической напряженности установить причины ее возникновения и роста.
4. Проследить динамику изменения межэтнической напряженности в регионах.

Под межэтнической напряженностью мы понимаем состояние социума, которое предшествует межэтническому (этноконфессиональному) конфликту. Мы полагаем, что перед любым межнациональным конфликтом некоторое время накапливается специфическая

напряженность, обусловленная определенными факторами; развитие конфликта, как правило, происходит линейно, а набор факторов ограничен. Соответственно, выявление последних будет способствовать предотвращению столкновений, а также определению «зон риска», требующих особого внимания. В состав команды, работающей над проектом, входят социологи, аналитики, политологи, историки, журналисты.

Данное исследование проводилось с апреля по сентябрь 2014г. (включительно). Хронологически оно делится на следующие этапы:
1 апреля – 30 сентября 2014г. – мониторинг и анализ открытых источников с целью выявления межэтнических конфликтов, составление базы данных конфликтов;
10 июля – 19 августа – экспертный опрос;
20 августа – 29 сентября – обработка и анализ результатов экспертного опроса, составление аналитического отчета;
30 сентября – 5 октября – написание итогового отчета, заполнение «карточек регионов»;
6 октября – публикация рейтинга.

В рамках проекта осуществлялся постоянный мониторинг более 50 интернет-ресурсов, не считая многочисленных региональных информационных порталов, сайтов прокуратур субъектов РФ, а также региональных сайтов федеральных СМИ («Аргументы и Факты», «Московский Комсомолец», «Комсомольская Правда» и пр.). Среди них порталы государственных органов (Следственный комитет, Генеральная прокуратура), российские информагентства (РИА Новости, РБК, «Интерфакс»), новостные агрегаторы (webground.su, novoteka.ru), сайты традиционных и интернет-СМИ («Российская газета», «Известия», «Газета.ру», «Росбалт», «Лента», «Регнум»), социальные сети, сайты международных СМИ (BBC, Russia Today), блог-платформы, сайты НКО («СОВА»,«Нацакцент»), сайты котировок новостей по переходам с социальных сетей. Значительный интерес представляют отличия в акцентах и точках зрения на одни и те же конфликтные ситуации у объединений трудовых мигрантов и правозащитного центра «Род», а также в группах северокавказской молодежи в социальных сетях и пабликах футбольных фанатов из Центральной России.
Этнически мотивированные конфликтные действия были разделены на несколько групп (условная авторская классификация):

1. Онлайн-действия (размещение видеороликов, фотографий, картинок и т.п.).
2. Немассовые ненасильственные действия (порча собственности, вандализм, граффити, размещение баннеров, националистические высказывания и т.п.).
3. Немассовые насильственные действия (одиночные драки, убийства на этнической почве и т.п.).
4. Массовые ненасильственные действия (народные сходы, митинги, пикеты и другие акции) – данная категория конфликтов часто предваряется конфликтами из предыдущей группы.
5. Массовые насильственные действия (массовые драки, погромы, массовые мероприятия организованных социальных групп, сопровождаемые этнически мотивированным насилием и т.п.).

Примечание. *В выкладках по регионам перечислены не все выявленные конфликты (с целью более сжатого изложения): оставлены наиболее масштабные, резонансные, а также типичные конфликты.*

В рамках исследования был проведен экспертный опрос 69 специалистов федерального и регионального уровня, среди которых:
- ученые (профессора; заведующие кафедрами этнологии, конфликтологии, политологии, социологии ведущих вузов; руководители научных институтов и научные сотрудники);
- руководители и сотрудники правозащитных центров и иных общественных объединений;
- эксперты по демографии и миграции;
- представители национально-культурных автономий;
- бывшие сотрудники правоохранительных органов (МВД, ФМС);
- представители СМИ;
- члены общественных советов по проблемам миграции, межэтнических отношений и т.п. (при МВД, ФМС, главах регионов).

Экспертам предлагалось назвать основные факторы межэтнической напряженности, а также указать регионы, для которых, по их мнению, характерно влияние данных факторов. Экспертные оценки совпали с результатами мониторинга: регионы с уровнем напряженности выше среднего чаще всего упоминались респондентами, что подтверждает верность методики.

Стоит отметить, что при подготовке второго рейтинга межэтнической напряженности было решено основной акцент сделать на опросе региональных экспертов, а также подробнее осветить текущую этноконфессиональную ситуацию в «сложных» регионах, в том числе в Республике Крым. В то же время не оставлены без внимания факторы (в т.ч. внешнеполитические), влияющие на обстановку в России в целом.
Опросный лист для каждой категории экспертов (этнологи, специалисты по миграции, «силовики») несколько отличался, составляя от 14 до 22 вопросов. Средняя продолжительность экспертного интервью составила 60 минут, наиболее развернутые ответы были даны экспертами-этнологами.
В результате исследования было выделено пять групп регионов: с очень низкой, низкой, средней, высокой и очень высокой межэтнической напряжённостью.

Примечание. *На интерактивной карте регионы из первых трех групп (очень высокая, высокая, средняя напряженность) активны, кликнув на них, можно перейти на страницы с выкладками по каждому региону. Субъекты Федерации, попавшие в группы с низкой и очень низкой степенью напряженности, неактивны (причина – конфликтов почти нет, происходящие конфликтные действия незначительны и практически не приводят к каким-либо последствиям).*

По результатам первого рейтинга можно сказать, что данный материал актуален и востребован. Следующий рейтинг будет опубликован в апреле 2015г.

Приложение №2

Эксперты рейтинга

В рамках исследования было опрошено около 70 экспертов, в том числе из регионов: ученых (этнографов, этнополитологов, социологов, политологов); специалистов по демографии и миграции; правозащитников; представителей национально-культурных автономий; бывших сотрудников правоохранительных служб (МВД, ФМС); журналистов, специализирующихся на этнической проблематике; членов общественных советов по проблемам миграции, межэтнических отношений и т.п. Нижеприведенный список неполный, так как ряд экспертов предпочли не афишировать свое участие в исследовании.

Аждар Куртов,
главный редактор журнала «Проблемы национальной стратегии» Российского института стратегических исследований

Азамат Тлисов,
кандидат экономических наук, доцент, член Общественной палаты РФ (комиссия по развитию образования), председатель экспертного клуба «Архыз»

Айдар Хабутдинов,
доктор исторических наук, профессор

Александр Вилков,
доктор политических наук, заведующий кафедрой политических наук Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

Александр Крылов,
ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, президент научного общества кавказоведов

Александр Форманчук,
председатель Крымского экспертного клуба, зампредседателя Общественной палаты Республики Крым

Алексей Малашенко,
доктор исторических наук, профессор политологии, сопредседатель программы «Межнациональные отношения в России и СНГ», член научного совета Московского центра Карнеги

Алексей Хохлов,
председатель группы ветеранов правоохранительных органов «Легион»

Аликбер Аликберов,
руководитель Центра изучения Центральной Азии, Кавказа, Урала и Поволжья Института востоковедения РАН

Алина Волкова,
политолог, журналист

Амиль Саркаров,
член совета Федеральной лезгинской национально-культурной автономии, сопредседатель Российского конгресса народов Кавказа, член общественного совета при постоянном представительстве Республики Дагестан при президенте России.

Андрей Баранов,
доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета

Антон Киреев,
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии ДВФУ

Арбахан Магомедов,
доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Связи с общественностью Ульяновского государственного университета

Арушан Вартумян,
доктор политических наук, профессор кафедры конфликтологии, связей с общественностью и журналистики Пятигорского государственного лингвистического университета

Асламбек Паскачев,
председатель Высшего совета ООД «Российский конгресс народов Кавказа», директор АНО «Институт миграции и межнациональных отношений», профессор кафедры проблем рынка и хозяйственного механизма РАНХиГС

Ахмед Ярлыкапов,
старший научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН, кандидат исторических наук, доцент РГГУ

Бахши Мамулян,
историк, публицист, пресс-секретарь главы городского округа Анадырь

Борис Винер,
старший научный сотрудник Социологического института РАН, кандидат социологических наук

Борис Паштов,
руководитель экспертного клуба «Эльбрус»

Вадим Муханов,
кандидат исторических наук, политолог, эксперт по Кавказу, старший научный сотрудник Центра кавказских исследований МГИМО МИД России

Вадим Петров,
кандидат исторических наук, член экспертно-аналитического совета при Совете министров РК

Валентина Огнева,
доктор политических наук, профессор кафедры политологии, государственного и муниципального управления ОФ РАНХиГС, член Российской ассоциации политической науки

Валерий Ачкасов,
доктор политических наук, профессор СПбГУ

Виктор Афанасьев,
кандидат политических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и иностранных языков Национальной академии природоохранного и курортного строительства

Виктор Викторин,
кандидат исторических наук, доцент Астраханского госуниверситета, заведующий Научно-исследовательским центром этнополитических исследований Астраханского филиала РАНХиГС

Виктор Воронов,
доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра региональной социологии и конфликтологии

Виктор Нагайцев,
АлтГУ, кандидат социологических наук, доцент

Виктор Харабуга,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальных наук Крымского государственного медицинского университета им. П.У. Георгиевского, член Экспертного клуба при главе Республики Крым

Виктория Леденева,
директор центра изучения миграционной политики Института государственной службы и управления РАНХиГС, кандидат социологических наук, доцент

Владимир Бобровников,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором Кавказа Института востоковедения РАН

Владимир Мукомель,
доктор социологических наук, заведующий сектором изучения миграционных и интеграционных процессов, эксперт РСМД

Вячеслав Поставнин,
президент фонда «Миграция XXI век»

Георгий Ситнянский,
старший научный сотрудник Центральноазиатской группы Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнографии и антропологии РАН

Георгий Фёдоров,
глава Центра социальных и политических исследований «Аспект», член Общественной палаты РФ

Даниил Рязанов,
кандидат философских наук, доцент, заместитель начальника управления Администрации главы и правительства Республики Дагестан по внутренней политике и территориальному развитию

Дмитрий Нечаев,
политолог

Дмитрий Шуваев,
член генерального совета ВСПП «ЕР»

Елена Маклашова,
кандидат политических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Зоя Доржу,
доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой Отечественной истории ТувГУ, депутат Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва

Иван Абажер,
член ОП Республики Крым, директор болгарского культурного центра «Извор», председатель Крымского республиканского общества болгар имени Паисия Хилендарского

Игорь Сопов,
директор Центра современной кавказской политики

Ирина Сосина,
доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии СВФУ имени М.К. Аммосова

Лев Перепелкин,
старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, ведущий научный сотрудник Института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва

Михаил Савва,
доктор политических наук, профессор

Михаил Топалов,
старший научный сотрудник в Институте социологии РАН

Наима Нефляшева,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник в Центре цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН

Наталья Киселёва,
кандидат политических наук, доцент университета им. В.И. Вернадского, член экспертно-аналитического совета при Совете министров Республики Крым, член Общественной палаты Республики Крым

Николай Будуев,
политолог, главный редактор еженедельника «МК в Бурятии»

Николай Кузьмин,
кандидат философских наук, член экспертно-аналитического совета при Совете министров Республики Крым, Крымского экспертного клуба

Николай Силаев,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО, директор некоммерческого партнерства «Кавказское сотрудничество»

Олег Атмашкин,
директор Центра популяризации культур народов мира «Проект Этнология», историк-культуролог

Олег Матвейчев,
кандидат философских наук, политолог

Пётр Ханас,
директор Дальневосточного консалтингового центра

Ростислав Туровский,
директор Агентства региональных исследований, доктор политических наук

Руслан Бзаров,
доктор исторических наук, профессор Северо-Осетинского университета, директор Института истории и археологии

Руслан Леков,
кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры новой, новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского госуниверситета

Руслан Мухаметов,
кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории политической науки УрФУ

Светлана Кутовая,
кандидат социологических наук, научный сотрудник лаборатории региональных социально-гуманитарных исследований ИКАРП ДВО РАН

Светлана Смирнова,
президент в АНО «Институт стратегии развития региона», Председатель совета Ассамблеи народов России, доктор политических наук

Тамара Шамшурина,
автор проекта и главный редактор интернет-портала SakhaNews

Татьяна Смирнова,
доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Тохир Каландаров,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнографии и антропологии РАН

Энвер Кисриев,
кандидат философских наук, политолог, глава сектора Кавказа Центра региональных и цивилизационных исследований РАН

Эрдэм Дагбаев,
доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии БГУ, председатель Бурятского отделения РАПН и РОП

Юрий Акатов,
социолог

Юрий Крупнов,
председатель совета Автономной некоммерческой организации «Институт демографии, миграции и регионального развития»

Юрий Магницкий,
кандидат философских наук, социолог, ведущий специалист партнерской организации ВЦИОМ, ФОМ по Амурской области, доцент Амурского государственного университета

Юрий Чернышов,
АлтГУ, доктор исторических наук, профессор, глава Алтайской школы политических наук

Мы благодарим экспертов за уделённое время и подробные компетентные ответы. Выражаем искреннее желание дальнейшего сотрудничества.

Авторский коллектив

Руководитель проекта - Сергей Старовойтов

Научный руководитель - Иван Жуков

Редактор - Александр Старовойтов

Дизайн - Илья Старков

Программирование - Антон Гыдов

Аналитика и мониторинг - Александр Балацкий

Работа с экспертами - Дмитрий Попытаев

Корректура - Евгения Григоренко

Администрирование - Марина Антипова

Юридическое сопровождение - Роман Рогачёв

Контакты: rating@roscink.ru